

К-14038

ПЗ06349

ВЕСТНИК

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 243

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

1983

1 р. 40 к.



Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 243, 1—97.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 243

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
„ВИЩА ШКОЛА“
1983

В вестнике рассматривается широкий круг проблем в области языкознания и методики преподавания иностранных языков. Исследования проводятся с использованием традиционных и современных методов структурно-вероятностного анализа и экспериментов в преподавании иностранных языков в высшей и средней школе.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. Ф. Ещенко (отв. ред.), И. В. Шленкина (отв. секр.), Н. Н. Аютина, В. И. Безуглый, А. С. Калинин, В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная, А. А. Прокопчук.

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков от 18 декабря 1981 г.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 40-14-04, 40-18-05.

Редакция гуманитарной литературы

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 243

Лингвистические и лингводидактические проблемы
изучения романских и германских языков

Редактор Л. Н. Авраменко
Художественный редактор Т. П. Воробийко
Технический редактор Л. Т. Ена
Корректор Л. А. Федоренко

Сдано в набор 14.01.83. Подп. в печать 17.08.83. БЦ 17034.
Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать.
6 печ. л. 6,25 кр.-отт. 10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд.
№ 1084. Зак. 3-19. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц Харьковской книжной фабрики имени
М. В. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16,
г. Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. 1493

В 4602010000 — 075
М 226 (04) — 83

К-14038

Харьковский
Государственный
университет, 1983

1306349

Центральна наукова
бібліотека

П. Т. ГУСЕВА

ВЛИЯНИЕ МЕЖСОБЫТИЙНЫХ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ПРЕДИКАТОВ НА СТРУКТУРУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Наряду с лексико-грамматическими средствами выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке существуют конструкции, не просто указывающие на наличие причинно-следственных значений, а прямо называющие соответствующее отношение: причину, повод, следствие, результат, мотив действия и т. д. [1, 4]. Особенность структуры таких конструкций заключается в наличии связочного компонента. Лексические средства, выполняющие функцию этого связочного компонента, можно разделить на две группы: субстантивно-глагольные сочетания, к ним относятся и предикативные сочетания *существительное + связка* (der Anlaß ist, zum Anlaß nehmen, Ergebnisse haben, das Ergebnis ist, zur Folge haben, die Folge ist, der Grund ist, Ursache haben, die Ursache ist и др.) и глаголы (auslösen, beitragen, bewegen, ermöglichen, fördern, führen, machen, verursachen и др.).

Семантическая структура причинно-следственных конструкций с лексическими средствами выражения причинно-следственных отношений включает три компонента: «событие — причину», «событие — следствие» и «межсобытийный предикат-связку». Значение межсобытийного предиката-связки в причинно-следственной конструкции очень велико, так как использование того или иного межсобытийного предиката-связки определяет функционально-синтаксическую структуру предложения, содержащего причинно-следственную конструкцию. Можно выделить логическую последовательность компонентов в причинно-следственной конструкции, когда исходным пунктом выступает «событие — причина» или «событие — следствие».

По признаку влияния на структуру причинно-следственной конструкции межсобытийные предикаты-связки можно распределить по группам следующим образом. Первую логическую последовательность компонентов вызывают den Anlaß bieten, den Anlaß geben, der Anlaß ist, der Anlaß werden, Ergebnisse haben, zur Folge haben, der Grund ist, die Ursache ist, den Vorwand bieten, der Vorwand ist, auslösen, bewegen, beitragen, behindern, bringen, einleiten, ergeben, ermöglichen, fördern, führen, hemmen, heraufbeschwören, herbeiführen, hervorrufen, machen, veranlassen, verhindern, verschaffen, verursachen, nach sich ziehen, zwingen и т. п.: (1) „Dieses Attentat war nicht die Ursache, sondern allenfalls der Anlaß des Ausbruchs des ersten Weltkrieges“ [4].

Вторая логическая последовательность компонентов имеет место при межсобытийных предикатах-связках sich im Ergebnis herausbilden, das Ergebnis ist, die Folge ist, seine Ursache haben, sich ergeben aus, hervorgehen, daran liegen и т. п.: (2) „Daß ein relativ starkes Königtum an der Spitze des deutschen Staates fortbestand, hat seine Ursache nicht zuletzt in der Existenz einer Reichskirche“ [4].

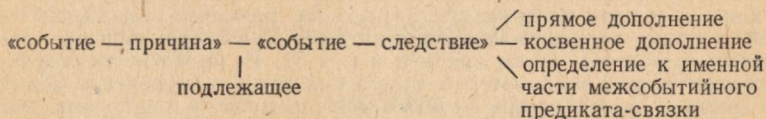
Особое место занимает межсобытийный предикат-связка zum Anlaß nehmen, наличие которого в предложении всегда требует название деятеля «события — причины», т. е. каузирующего субъекта: (3) „Die britische Regierung

nahm die Hinrichtung des französischen Königs zum Anlaß, die diplomatischen Beziehungen mit Frankreich abubrechen“ [4].

Отметим, что переходные глаголы первой группы, напр.: auslösen, behindern, fördern, veranlassen, verhindern могут употребляться в Passiv: (4) „Aber diese Einheitsbewegung wurde durch Eingriffe der westlichen imperialistischen Besatzungsmächte ... außerordentlich behindert“ [4].

Предложения, появляющиеся при употреблении в них глагола-сказуемого в Passiv, нельзя назвать тождественными предложениям с глаголом в Aktiv. Носителем предикативного признака в последних является агенс, в то время как в предложениях с Passiv он занимает периферийную позицию, которая в ряде случаев может не заполняться, а независимым членом предложения становится объект действия [2]. Таким образом, налицо различие в передаваемой грамматической информации, которое отражается и на семантике сравниваемых предложений: (5) „... so wurde durch die Erhebung der Bauern von Stühlingen Ende Juni 1524 der Bauernkrieg ausgelöst“ [4]; (6) „Luthers Protest gegen den Mißbrauch des Ablasses löste Ereignisse aus, die über den eigentlichen Anlaß weit hinausgingen“ [4].

Синтаксическая структура предложений с межсобытийными предикатами-связками первой группы такова:



Пример. (7) „Die feudalen Produktionsverhältnisse standen zunächst mit dem Charakter der Produktivkräfte in Übereinstimmung, sie förderten deren Entwicklung und bildeten somit einen historischen Fortschritt“ [4]. (8) „Die unterschiedlichen Taktiken der Bourgeoisie gegenüber der Arbeiterbewegung führten aber zu gewissen Schwankungen“ [4]. (9) „Der Bruch der Neutralität Belgiens ... , bot unweigerlich den herrschenden Klassen Englands den erwünschten Anlaß, mit dem deutschen Konkurrenten abzubrechen“ [4].

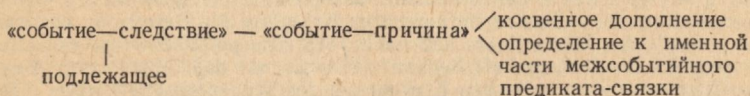
В ряде случаев (только с субстантивно-глагольными сочетаниями) в предложении называется деятель-каузирующий субъект, являющийся, как правило, подлежащим предложения (3). Как следует из приведенного примера, название «события — причины» (die Hinrichtung) переместилось в объектную позицию, являясь в предложении прямым дополнением.

В причинно-следственных конструкциях с межсобытийным предикатом-связкой, выраженным глаголом, в ряде случаев называется каузируемый субъект. Он употребляется в предложениях с предикатами-связками, являющимися синтаксически трехвалентными (bewegen, bringen, ermöglichen, machen, veranlassen, verschaffen, zwingen и т. д.). Каузируемый субъект является в предложении прямым или косвенным дополнением: (10) „Die Lockungen und Versprechungen Wilhelms II und derjenigen Kreise der deutschen Bourgeoisie, die eine elastischere Taktik propagierten, veranlaßten umgekehrt 1892 Georg von Vollmar zu der opportunistischen Forderung, man solle „dem guten Willen die offene Hand“ entgegenstrecken“ [4]. (11) „Zugleich hatte die Einführung des Zündnadelgewehrs, eines der Ergebnisse der Heeresorganisation, den preußischen Soldaten auch in der Bewaffnung die Überlegenheit verschafft“ [4]. Периферийная позиция имени, называющего каузируемый субъект, говорит о факультативности его, что подтверждается случаями, когда синтаксически трехвалентный глагол, например, veranlassen (10), реализует лишь две валентности: (12) „Die Niederlage, die Rußland erlitt, veranlaßte einen Aufschwung der bauerlichen Massenbewegungen“ [4].

Каузируемый субъект обязателен в тех случаях, когда «событие — следствие» выражается придаточным дополнительным, что имеет место при межсобытийных предикатах-связках zur Folge haben, führen, beitragen, verhindern, ermöglichen. Каузируемый субъект является подлежащим этого придаточного предложения, а предикат каузируемого действия — его сказуемым: (13)

„Am 4. August begann der Einmarsch in Belgien. Das hatte zur Folge, daß England die diplomatischen Beziehungen mit Deutschland abbrach“ [4].

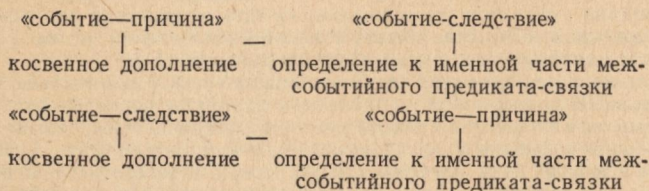
Синтаксическая структура предложений с межсобытийными предикатами-связками второй группы может быть следующей:



Пример: (2), (14) „Der große Sieg über die wohlausgerüsteten Römer war das Ergebnis eines echten Freiheitskampfes“ (Karl-Heinz Otto) [4].

В предложениях с подобной синтаксической структурой возникает несовпадение между позициями и функциями названий «события — причины» и «события — следствия», так как в них член предложения, за которым обычно закрепляется название деятеля, не выполняет свойственную ему функцию: подлежащее в нем является результатом направленного на него действия. Эти предложения со сказуемым в Aktiv отличны от рассматриваемых в традиционной грамматике предложений с субъектно-объектными отношениями, напр.: «Сын читает книгу», где семантические актанты соответствуют синтаксическим. Эти предложения, таким образом, представляют собой другой тип языкового содержания, где различия в грамматических значениях морфологических форм не позволяют поставить знак равенства между предложениями с деятелем-подлежащим и предложениями с деятелем-объектом, сказуемое которых выражается глаголом в Aktiv. Второй тип предложений близок (но не тождествен) по значению морфологических форм предложениям со сказуемым в Passiv: (15) „Dauerhaftere Folgen als die beabsichtigte Bildung von Kreuzfahrterstaaten ... ergaben sich aus der Berührung mit der Kultur des Orients“ [4]. (16) „Ernsthafte Fortschritte zum Kapitalismus wurden aber weiter durch die feudale Gesellschaftsordnung verhindert“ [4]. Однако в предложении (16) «событие — причина» является предложным дополнением, имеющим инструментальное значение, что отличает его от предложного дополнения предложения (15), так как с межсобытийными предикатами-связками типа „sich ergeben aus“ такая позиция с инструментальным значением исключена.

Именная часть межсобытийного предиката-связки, например, der Grund liegt, die Wurzeln liegen, может быть подлежащим предложения: (17) „... dessen (des späteren deutschen Partikularismus. — П. Г.) eigentliche Wurzeln liegen vielmehr in historischen Prozessen beim Übergang zur Neuzeit“ [4]. В этом случае в синтаксической структуре возникает следующая зависимость:



Из приведенных примеров следует, что форма выражения «события — причины» и «события—следствия» может быть различной: слово, словосочетание, самостоятельное или зависимое предложение. Особенность ее заключается в том, что каждое из средств выражения этих компонентов имеет событийное значение. Наиболее ярко проявляется это в тех случаях, когда обозначение компонентов «стягивается» в причинно-следственной конструкции в одно слово, например выражается существительным. Пропозиция этого существительного выявляет действие, его протяженность, ход развития и т. д.: (18) „Der Konzentrationsprozeß veranlaßte wesentliche Veränderungen im gesellschaftlichen Kräfteverhältnis der Klassen“ [4].

Событийное значение различных форм выражения «события — причины» и «события — следствия» подчеркивается возможностью трансформации их в одно слово, т. е. в номинацию действия. Так, придаточное предложение, выражающее в приводимом примере «событие — следствие», преобразовывается в существительное: (19) „Die ersten Erfahrungen der Befreiungskriege, die Berührung mit dem Leben der einfachen Menschen, ... der Aufschwung des bürgerlichen Nationalbewußtseins im gerechten Krieg um die Befreiung des Vaterlandes ... — all das führte dazu, daß nach 1815 eine politische und moralische Erneuerung der Studentenschaft begann“ [4] → „... all daß führte zum Beginn einer politischen und moralischen Erneuerung der Studentenschaft nach 1815“.

Таким образом, исследуемый материал показывает, что связующий компонент причинно-следственной конструкции — межсобытийный предикат-связка — определяет ее функционально-синтаксическую структуру, обуславливает наличие компонентов (в частности, каузирующего и каузируемого субъекта) и место, занимаемое названиями «события — причины» и «события — следствия», выполняет различные синтаксические функции. Целый ряд своеобразных черт конструкций с межсобытийными причинно-следственными предикатами отличает эти конструкции от структур, рассматриваемых в традиционной грамматике, в том числе и от лексико-грамматических средств выражения причинно-следственных отношений.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976. — 383 с. 2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. — Л.: Наука, 1978. — 174 с. 3. Прокопчук А. А., Гусева П. Т. Предложения с межсобытийными причинно-следственными предикатами. — Вестн. Харьк. ун-та, 1982, № 231, с. 71—76. 4. Streisand J. Deutsche Geschichte in einem Band. Ein Überblick. 3., überarb. u. erweit. Aufl. — Berlin: Deutsch. Verl. der Wissenschaften, 1974. — 483 S.

Поступила в редколлегию 26.10.81.

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

О МНОГООАСПЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ НОРМА

В современной лингвистике уже укрепилось мнение, что норма присуща не только литературным языкам, но и диалектам и, по мнению некоторых лингвистов, не только территориальным, но и социальным [5]. Лингвистам удалось, кажется, договориться о необходимости проводить различия между языковой нормой и ее кодификацией. Общим свойственна обязательность и закреплённость общественной речевой практикой. Но если языковая норма существует помимо сознания субъектов, то кодификация есть осознанная необходимость нормы, отраженная в лингвистическом сознании носителей языка и закреплённая в соответствующих письменных документах [1].

Остается неясным характер взаимоотношений между диалектными и языковой нормами. В современной лингвистике диалекты рассматриваются как микросистемы или подсистемы общей системы (макросистемы) языка. Существует ли нечто подобное и во взаимоотношениях между нормой диалекта и языковой нормой? Ведь понятия микросистемы и макросистемы подразумевают, что в микросистеме может отсутствовать то, что есть в макросистеме, но не наоборот. Но согласно существующим представлениям о норме в языковой норме как раз отсутствуют явления, специфические для какой-либо диалектной нормы. В свете этого следует, по-видимому, отказаться от гипотезы о микро- и макросистемах в отношении диалектных и языковой нормы.

Можно рассматривать диалект и литературный язык как две подсистемы, входящие в одну макросистему — язык, имеющие общее ядро. Это подразумевает, что некоторые явления будут нормативны только в диалекте или только в литературном языке, другие будут общими для обоих. Тогда становится лишним термин «языковая норма», который может использоваться для языков, не имеющих литературных традиций. В данной схеме остается место для

узуса как множества, содержащего все реализации системы и структуры, в которое диалектные и литературные нормы входят как подмножества.

Есть еще одна возможность — принять модель В. А. Ицковича [2], который различает систему и структуру языка и, соответственно, нормы, определяемые системой языка, и нормы, определяемые структурой языка. Как видно из общенаучного определения терминов «система» и «структура», компоненты системы могут иметь свою собственную структуру. Тогда различия между нормами, которые мы замечаем, будут относиться не к системе (она, по-видимому, является общей для всех вариантов языка, включая диалекты), а к структуре. Итак, в модифицированной нами модели В. А. Ицковича все варианты входят в одну общую систему, а их структуры объединяет понятие «общего ядра». Это значит, что диалекты и национальные варианты языка или диалекты и литературный язык будут иметь не только общие элементы структуры, но и специфические, отличающие их от других вариантов. О различии между системой и структурой языка очень хорошо сказал Халлидей: системой ребенок овладевает приблизительно к двум с половиной годам, а остальная часть детства, может быть вся жизнь, необходима ему для усвоения структуры языка [8].

Хотя обе модели можно считать адекватными, целесообразнее пользоваться последней. Представляется плодотворной мысль В. А. Ицковича о наличии речевых норм. Но для него это нормы, запрещающие употребление грамматически правильных, соответствующих структурным моделям данного языка конструкций, если они содержат возможность двоякого толкования, напр.: «Эти женщины так похожи на героинь Сопротивления, что на ум приходит песня, которую они пели» (неясно кто пел: эти женщины или героини Сопротивления). В. А. Ицкович приводит также примеры с определениями к однородным членам предложения типа: «Аборигены... изготовляли бумеранги, ...копья, щиты, каменные топоры, зернотерки, ведра, искусно сделанные из коры».

Нормы, запрещающие такие построения, В. А. Ицкович называет смысловыми. Заметим, что вряд ли найдется читатель, который и впрямь поверит, что копия можно изготовлять из коры. Другое дело комический эффект, создаваемый такими построениями, который в некоторых ситуациях оказался бы неуместным. Между прочим, в языках, бедных флексиями «возможностей для таких двусмысленных построений еще больше. Возьмем, к примеру, такое предложение: "There was a dog in the crowd barking at the passers-by". Его можно понять двояко: «В толпе была собака, которая лаяла на прохожих» и «В толпе, лающей на прохожих, была собака». В практических пособиях, предназначенных для носителей языка, такие построения обычно приводятся как образец плохого стиля. Нетрудно заметить, что, правила, запрещающие подобные построения, диктуются в основном социально-психологическими факторами.

Изучение речевого поведения показывает, что, как и другие виды социального поведения, оно подчинено правилам, отличным от языковых норм, но обязательным для носителей языка. Е. А. Земской и ее коллегами [4] отмечено, что у опрошенных ими информантов выбор между кодифицированным русским языком и разговорной речью зависел от ситуативных признаков «официальный» — «неофициальный». Подобное переключение наблюдалось социолингвистами и для носителей других языков, в частности английского [9]. На основании подобных наблюдений Д. Хаймс делает вывод о том, что, если принять введенный Н. Хомским термин «языковая компетенция», следует ввести еще один — «социолингвистическая компетенция», так как носитель языка должен знать не только как правильно строить высказывания, но и как варьировать свою речь в зависимости от ситуации общения, т. е. знать правила речевого поведения. Некоторые правила речевого поведения носят универсальный характер, и так называемое переключение кодов и регистров можно наблюдать в любом языке. Техника же исполнения специфична для каждого конкретного языка, и при сопоставительном анализе обнаруживается больше различий, чем сходных черт даже в близкородственных языках. Так, Дж. Грин в своем исследовании, посвященном средствам выражения побуждения

в английском языке [7], замечает, что в немецком языке есть конструкции, напоминающие английский разделительный вопрос, но в отличие от английского они не могут употребляться как средство выражения просьбы. Английское предложение "Open the window, will you?" вполне приемлемо, а в немецком языке „Geben Sie mir ein Streichholz, wollen Sie?" воспринимается как неправильное. В английском, немецком и русском языках для выражения просьбы могут использоваться конструкции, по форме напоминающие вопросительные, назовем их квазивопросами (whimperatives), но в каждом из этих языков квазивопросы имеют свои структурные особенности.

Ранее мы уже касались способов выражения побуждения в английском языке. Среди прочих проблем нас интересовал вопрос о том, как происходит переключение регистров в зависимости от ролей, которые исполняют носители английского языка в зависимости от ситуации общения. Информантам было предложено проиграть ситуации, в которых они просили бы о какой-либо услуге близкого человека (жену или друга), с одной стороны, и своего начальника — с другой. Несмотря на некоторые индивидуальные различия, все информанты без исключения, а их было около 80, употребили два четко отличающиеся друг от друга набора конструкций. Так, в первой ситуации, которую можно назвать неофициальной, встречались конструкции с глаголом в повелительной форме (задача получить точные данные, максимально отражающие реальное их употребление, не ставилась, поэтому 10 % следует рассматривать как довольно относительную величину). В ситуации «подчиненный — начальник» форма повелительного наклонения была использована только одним информантом, позднее пояснившим, что «начальник» — его друг. Во второй ситуации информанты употребили заметно больше квазивопросов, причем с большим количеством глаголов в форме сослагательного наклонения. В тех случаях, когда информанты спрашивали разрешения воспользоваться какой-либо вещью, в их высказываниях в первой ситуации процентное соотношение модальных глаголов *can / could* и *may* (форма *might* не встречалась) почти одинаково. Во второй же ситуации глагол *may* употреблялся почти в два раза чаще, чем *can* и *could*. Таким образом, не требуется экспериментов особой чистоты и большого количества информантов, чтобы убедиться в том, что информанты вполне сознательно варьируют свою речь в зависимости от сфер общения и от социальных ролей, которые им приходится играть. В том, что это так, позволяет убедиться наш контрольный эксперимент, в котором участвовало всего шесть информантов. Им также было предложено попросить что-либо у своего друга (подруги) или жены (мужа), а затем у своего начальника. И здесь наблюдалось различие в наборах побудительных высказываний для ситуаций неофициальных и официальных. Модальный глагол *may* появлялся только в официальной ситуации, там же преобладали квазивопросы с глаголом в форме сослагательного наклонения. Конструкции с глаголом в форме повелительного наклонения появлялись в ситуациях «друг — друг» и «жена — муж», но не в ситуации «подчиненный — начальник». В случаях, когда информанты исполняли роль начальника, обращавшегося к подчиненным с распоряжениями, появлялись конструкции с глаголом в повелительном наклонении, причем количество форм повелительного наклонения было больше там, где между начальником и подчиненными были менее официальные отношения. Следует отметить, что информанты очень четко определяли ситуацию, в которой адресат может использовать повелительные формы, т. е. только в том случае, когда он облечен властью над адресатом. Заметно поразительное сходство формулировок наших информантов, большинство которых не имели филологической подготовки, с формулировкой этого правила у Дж. Грина. Информанты отмечали также, что степень вежливости зависит и от услуги, которую адресата просят оказать. В последних случаях действуют уже не социальные факторы, а скорее социопсихологические. Особенно ярко психологический характер факторов проступает в том случае, когда адресант и адресат остаются теми же, но меняется обстановка: информанты свидетельствуют, что в минуту опасности, например, они употребляют только краткие повелительные конструкции, то же самое происходит, когда необходимо дать инструкции в условиях дефицита времени. Результаты, полученные

А. Беллак и его коллегами [6], свидетельствуют о том, что инструкции чаще всего строятся без глагола в повелительном наклонении. Одна пара информантов (муж и жена) очень любят друг друга и при общении очень внимательны и вежливы между собой и избегают употребления повелительных форм. Но вот однажды, при подготовке к путешествию, возникла необходимость в том, чтобы жена срочно вылетела самолетом к мужу, так как редактор журнала, заключивший с ними контракт на путевые заметки и фотографии, захотел встретиться с ними обоими. В телефонном разговоре, сообщая ей, что необходимо сделать, информант не употребил ни одной реплики без глагола в повелительном наклонении.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что ситуативная вариативность речи зависит не только от социальных, но и психологических факторов. Недаром А. Д. Швейцер [5] при рассмотрении ситуативных переменных находит нужным ввести термин «установка», так как для ситуативных переменных характерно наличие оценок и отбора конкурирующих языковых форм. А. Д. Швейцер предлагает называть их социальными установками, что, по сути, не противоречит описанной нами картине ситуативной вариативности, потому что сам термин «установка» заимствован из психологии. Психологические факторы дают о себе знать и при изучении стратификационной вариативности, но в несколько ином плане.

Итак, языковые, социальные и психологические факторы по-разному проявляются в языковых и речевых нормах. В различных ситуациях общения происходит отбор языковых форм в плане уместности их употребления в социальной ситуации, а не принадлежности их к языковой или диалектной норме. В описанном нами контрольном эксперименте все информанты принадлежали к одному социальному слою, к среднему классу, если пользоваться терминологией, бытующей среди социолингвистов Великобритании и США. Поэтому на основании результатов этого эксперимента можно сделать вывод о том, что чаще всего имеет место выбор среди одинаково нормативных форм. Любопытно, что любой выбор форм, являющихся отклонением от норм, Р. Р. Каспранский называет стилем. Тогда значения терминов «регистр» и «стиль», которые многие считают синонимами, не должны совпадать. По-видимому, природа языковых, в том числе диалектных, норм в корне отличается от норм, которые мы до сих пор называли речевыми (у других авторов это коммуникативные или социолингвистические нормы). Отсюда возникают сомнения в правильности употребления термина «норма» для обозначения последних. Следует отметить еще одну различительную черту: неосознанность языковых норм (за исключением кодификаций) и осознанность «речевых норм», которые правильнее было бы назвать правилами речевого поведения.

Список литературы: 1. *Грамматика и норма* / Под ред. Л. И. Скворцова. — М.: Наука, 1977. — 270 с. 2. *Ицкович В. А. Языковая норма.* — М.: Просвещение 1968. — 96 с. 3. *Каспранский Р. Р. Норма и стиль.* — Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, 1974, вып. 5, с. 68—84. 4. *Земская Е. А. Русская разговорная речь.* — М.: Наука, 1973. — 485 с. 5. *Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы.* — М.: Наука, 1977. — 176 с. 6. *Bellack A. The language of the classroom.* — N. Y.: Columbia University, 1966. — 274 p. 7. *Green G. M. How to get people to do things with words: the question of whimperatives.* — In: *Some new directions in linguistics.* — Washington, D. C.: Georgetown Un-ty Press, 1973, p. 51—81. 8. *Halliday M. A. K. Language as social semiotic.* — L.: Edward Arnold, 1978. — 256 p. 9. *Hymes D. On communicative competence.* — In: *Sociolinguistics: selected readings.* — Harmondsworth: Penguin, 1973, p. 269—293.

Поступила в редколлегию 06.10.81.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Изучение взаимодействия языковых структур в системе обуславливает необходимость выявления закономерностей внутренней организации и взаимосвязи единиц различных уровней, образующих систему языка. В этом плане весьма актуальны филологические наблюдения в рамках общей теории поля, направленной на систематизацию признаков, характеризующих определенную совокупность элементов и объединенных общностью тех или иных свойств.

Функционально-семантическое сближение единиц определенной системы языковых элементов с единицами других систем, их взаимовлияние и взаимопроникновение представляет несомненный интерес в области фразеологии. Семантические сферы, в которых активно функционируют различные типы фразеологических единиц (ФЕ), обслуживаются также и другими средствами языковой номинации — словами и переменными словесными комплексами.

Одной из специфических черт фразеологизмов является их определенная зависимость не только от системных языковых свойств лексики и грамматики, но и от функционально-речевых характеристик этих уровней. Эта зависимость весьма ощутима в том, что ФЕ формируются на основе переменных словесных комплексов, проявляя свойственные этим единицам речевые особенности. Характерно, например, активное использование английских глаголов широкой семантики (*get, set, go, take, come, make*) в составе фразеологизмов, включающих сему аспектуальности действия или состояния. Не менее характерны фразеологизмы, включающиеся в лексико-грамматическое поле каузативности.

Объектом нашего исследования являются ФЕ внутреннего состояния человека, в семантике которых ощутима импликация таких категориально-грамматических значений, как аспектуальность и каузативность. Речевая реализация ФЕ исследуемого типа заслуживает внимания в плане реализации категориального содержания соответствующих лексико-грамматических полей. Эти категориально-грамматические значения в исследуемых ФЕ обусловлены не только лексической семантикой именного компонента, но и семантикой глагола-предикатора, раскрывающего категориально-грамматический аспект номинации. ФЕ внутреннего состояния входят в поле аспектуальности как средство фразеологической номинации различной видовой характеристики, дополняющее корпус морфологических средств, выражающих видовые значения.

Обращение к ФЕ нередко обуславливается необходимостью концентрации или интенсификации данного признака с такими оттенками, которые не могут быть выражены средствами прямой языковой номинации. В исследуемых ФЕ нашли свое отражение оттенки значений становления или изменения определенного состояния, его развитие, причинность, константные и переменные характеристики состояния.

В корпусе исследуемых глагольных ФЕ прослеживается дифференциация различных фазисных модификаций состояния, относящихся в основном к следующим значениям аспектуальности: начинательность, внезапность, дуративность и завершенность. Наиболее широким диапазоном варьирования отличается фразеологическая номинация, объединяющая ФЕ, которые включают аспектуальную сему начинательности. В лексико-грамматическом поле начинательного вида выделяются ФЕ с типизированными глаголами широкой семантики (*get, put, set, take, go, come, fall, fly* и др.), имплицитные видовую характеристику начинательности в различных ее оттенках — от постепенной до внезапной — в соответствии с семантикой глагола.

Высокой частотностью отличаются ФЕ с глагольным компонентом *get*, включающие сему постепенного наступления состояния (*get cold feet, get one's dander up, get down in the dumps*): "But insted of getting cold feet as the phrase for discouragement ran, and turning backs they determined" (E. Robins).

Сема начинательности ощутима в смысловой структуре ФЕ с глаголом-компонентом *take*, напр.: *take the fling—become fitful or ill-tempered, take fire—become “inflamed” with some emotion, become excited esp. with anger, enraged*. В зависимости от семантики компонентов высказывания фразеологизмы с глагольным компонентом *take* могут передавать значение постепенного наступления состояния:

The peasants who at first shrunk from him in horror... took heart of grace as he got to a distance (W. Scott).

Крестьяне, которые сперва в ужасе шарахались от него ..., по мере того, как он удалялся от них, постепенно смелели.

Фразеологизмы с глагольным компонентом *go* могут обозначать различные оттенки начинательности, постепенное, быстрое, внезапное начало состояния. Тот или иной оттенок значения начинательности определяется контекстуальными индикаторами. В зависимости от контекста ФЕ с компонентом *go* может, например, выражать внезапное начало состояния: “And what a risk to take! He might have murdered her or stolen her pearl necklace. She went hot and cold all over as she pictured to herself the danger she had incurred” (W. S. Maugham).

ФЕ с глагольным компонентом *go*, восходящие генетически к переменным словосочетаниям, в которых *go* сочетается с прилагательными, содержат отрицательную субъективную оценку состояния, выражаемого ФЕ. Субъективная оценочность обусловлена комбинационными свойствами глагола и реализацией в составе возникшего на его основе фразеологизма потенциальной семы «нежелательности» качества, состояния [1].

Среди глагольных фразеологизмов, передающих значение начинательности, выделяются ФЕ, которые имплицитно значат внезапного наступления состояния или смены одного состояния другим. В состав этих единиц входят глаголы движения — перемещения в пространстве *fly, jump* и др., значения которых включают аспектуальную сему внезапности (*fly off the handle—become suddenly or violently angry, jump out of one's skin—show feelings of great anger, shock, fear esp. by moving very suddenly*): “He took off his hat: “Miss Lambert, isn't it?” She almost jumped out of her skin. She was indeed so taken aback that she had not the presence of mind to deny it” (W. S. Maugham).

Аспектуальную характеристику дуративности включают многие ФЕ с типизованным глагольным компонентом *keep*: *keep a stiff upper lip—maintain one's courage or obstinacy, remain firm in trouble, keep one's head—remain, keep calm*: “Only those who have lived through a first-rate war...and kept their heads can possibly understand the bitterness of Shakespeare and Swift...” (G. B. Shaw).

Видовая характеристика дуративности заключена в семантике ФЕ *sit* *on thorns, sit on the safety-valve* и др.: “He was sitting on thorns all the time, afraid lest she should refer to the last event (J. Dixon). Отличительной чертой глагола *sit* является возможность одновременной реализации сем их основного значения — обозначение физического положения субъекта.

Употребление адъюнктов к именному компоненту ФЕ в случаях окказионального преобразования ФЕ создает возможность выражения дополнительных оттенков видового значения или интенсификации признака: “I never was more glad to get rid of a book. I've been in a continual stew for fear of being overseen with it” (J. Galsworthy).

Многие ФЕ в поле внутреннего состояния человека становятся элементами двух- или многокомпонентных рядов, образуя глагольную фразеологическую парадигму. Основой образования парадигмы является противопоставленность единиц по определенным грамматическим значениям, которая происходит в результате замены глагольных составляющих ФЕ при постоянных опорных компонентах фразеологизмов. Члены глагольных фразеологических парадигм представляют оппозицию по семам аспектуального значения начинательности (длительности): *get / keep one's tail up, get / keep one's tail down, keep / lose smb's head*: “After all, now it's all over, you must see I acted for the

best of us. You lost your head and you ought to be jolly glad that I kept mine" (W. S. Maugham).

В корпусе исследуемых ФЕ широко представлены фразеологизмы с категориальным значением каузативности, что объясняется самой природой эмоционального состояния, которое естественно ассоциируется с существованием причины, вызвавшей те или иные эмоции. Импликацию каузативного значения, например, прослеживаем в ФЕ с глагольными компонентами give, make, drive, bring: "You, Mademoiselle, you have been the marvellous one. To pour away the champagne, to act the dead body so prettily. "Ugh", she shivered, you give me the creeps" (A. Christie). "It was a weird, soulful air. It quite made one's flesh creep" (Jerome K. Jerome). "You'll send me mad if I let you ... you're driving Mr. Druce up the wall" (M. Spark). "A sound that brought my head into the mouth" (R. Stevenson).

ФЕ занимают особое место в процессе означивания различных сторон и явлений внеязыковой действительности. Наряду с художественной изобразительностью и стилистической значимостью ФЕ особого внимания заслуживает прослеживающееся в них взаимодействие лексико-семантически и грамматических значений. Актуальность данных вопросов обусловлена всем ходом развития фразеологии как отдельной отрасли лингвистической науки. Исследование различных типов фразеологизмов, опирающееся на теорию соотношения и взаимодействия разных уровней в структуре языка, перспективно в плане создания полной и разносторонней системы фразеологии с ее подсистемами и типологическими разновидностями [2].

Список литературы: 1. *Виноградов В. В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969, с. 5—23. 2. *Кузнецов А. М.* Семантическое исследование связочных глаголов в современном английском языке. — В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979, с. 172—213.

Поступила в редколлегию 27.11.81.

В. Л. ЗИНОВЬЕВА

ВАЛЕНТНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ СТАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

Глаголы играют большую роль в выполнении основных функций языка (гносеологической, коммуникативной, прагматической), поскольку отражают бесчисленные процессы, происходящие в постоянно движущейся и изменяющейся материи. Они относятся к разряду признаковых номинативных единиц, однако их роль в языке не менее велика, чем роль предметных знаков (имен существительных), так как глаголы, помимо обозначения процессов материального мира, выполняют еще и важную структурную функцию в языке. Как указывает А. А. Уфимцева, «естественные, свойственные объективной реальности ракурсы связей находят свое выражение более полно, чем в предметных именах, в специфике глагольной номинации, а именно: наименование любому действию, состоянию, процессу и т. п. дается относительно двух семантических категорий — сферы субъекта и сферы объекта» [6]. Поэтому в предложении глагол выступает в качестве связующего звена между словом, обозначающим субъект действия, и словами, обозначающими объект или обстоятельства действия, тем самым отражая реальные связи, существующие между предметами материального мира. Кроме того, обладая грамматическими категориями лица, времени и наклонения, глагол представляет собой главное средство выражения предикативности, которая является одной из самых существенных черт предложения [5].

Статическим глаголам в англистике уделяется сравнительно меньше внимания, чем динамическим, по-видимому, потому, что их относительная частотность составляет всего около 2 %. Но тем не менее их роль и значимость в ком-

муникативной системе языка довольно внушительны. Некоторые из них: *stand* имеет 24 значения и 19 подзначений в Большом англо-русском словаре, *sit* соответственно 20 и 15, *lie* 6 и 9, не считая многочисленных фразеологических единиц и фраз с послелогами.

Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить и описать специфику семантики статических глаголов и особенности их функционирования в речи современного английского языка, поскольку специальных исследований в этом плане пока нет. Некоторые из статических глаголов (*remain* и др.) рассматриваются в числе связочных глаголов в связи с их синтаксической функцией, а другие лишь частично освещены в специальной литературе.

Семантика слова, как идеальная сущность, недоступна непосредственному наблюдению исследователя. Ее сущность и специфика проявляется лишь в связях и отношениях с другими словами и поэтому познается только через связи и отношения. Следовательно, изучение семантики статических глаголов должно начинаться с исследования вначале зафиксированных связей и отношений данных глаголов с другими словами.

Объектом нашего исследования является лексико-семантическая группа глаголов, объединенных общим компонентом значения — статичность положения в пространстве или состояния во времени (*stand, sit, lie, wait, stay, remain, linger*). База фактического материала составляет 2000 словосочетаний с этими глаголами, взятых путем сплошной выборки из произведений современных английских и американских писателей общим объемом 9,5 млн. слов.

Результаты исследования показали, что специфика семантики каждого из глаголов проявляется, во-первых, в неравномерности количественного появления их в обследованном текстовом массиве: *sit* — 645, *stand* — 585, *wait* — 268, *lie* — 264, *stay* — 187, *remain* — 59, *linger* — 10; во-вторых, в неравномерном распределении в коммуникативно-маркированном тексте: *stay* встречается в прямой речи персонажей значительно чаще (65 %), чем в описании; *linger*, напротив, употребляется в описании в девять раз чаще, чем в прямой речи.

Соотношение личных и неличных форм глаголов (вербидов) не обнаруживает заметных различий у многих авторов (73 — 74 % и 27 — 26 % соответственно), но тенденция к нарушению этого соотношения проявляется в зависимости от характера текста. В прямой речи число неличных форм увеличивается до 37 %, при этом причастия встречаются в два раза реже в диалогах, чем в описании; герундий и инфинитив, напротив, в 2,5 и 3 раза соответственно) чаще, поэтому в целом вербиды в речи персонажей встречаются чаще, чем в описании. Это объясняется, по-видимому, стремлением говорящего избегать монотонности повторения личных форм, а также гибкостью и семантической емкостью герундия с его множеством и разнообразием синтаксических конструкций. Временные формы этих глаголов не отличаются от общей закономерности распределения и соотношения: в описании формы прошедшего времени составляют 98,5 % всех личных форм, в прямой речи они отходят на третье место после форм повелительного наклонения (31 %) и настоящего времени (27 %).

Специфика семантики исследуемых глаголов характеризуется общим компонентом — интегральнойемой пребывании в определенном относительно неизменном положении в пространстве или состоянии во времени. В зависимости от специфики отношений между объектами в пространстве различаются два типа отношений и соответственно две группы глаголов, обозначающих их существование во времени.

1. Неизменное положение частей тела субъекта относительно друг друга, напр.: *to sit — to be in a position in which the body is upright and the thighs at right angles to the trunk, as to sit on a chair (ALD); to stand — to be on one's feet in an upright position, as He was too weak to stand; to be in a horizontal position, as Don't lie in bed all morning! (ALD).*

2. Неизменное положение субъекта относительно окружающих объектов реального мира: *remain, stay, wait, linger*. Первой особенностью семантики исследуемых глаголов является признак пребывания в неизменном положении / состоянии самого субъекта, что подтверждается реализацией субъектной

валентности глаголов в 93,65 % из всех употреблений глаголов. Под валентностью понимается потенциальное свойство слова сочетаться с другими словами в речи. Сочетаемость — реализованная валентность [4]. Субъектная валентность реализуется при эксплицитном субъекте: "She was standing at the table" (Maugham); отдельным имплицитным субъекте: "You will be a fool to go. Wait!" (Galsworthy); обобщенном имплицитном субъекте: "Horrible place, the Cricketers — to stay in" (Christie).

Вторая особенность семантики проявляется в обязательной адвербиальной валентности глаголов, поскольку они обозначают неизменное положение субъекта в пространстве относительно окружающих объектов. Исключение составляют глаголы группы 1. Если они обозначают пребывание частей тела субъекта в неизменном положении относительно друг друга, то адвербиальная валентность не реализуется, а в случае реализации она факультативна и структурно необязательна: "He encourages patients to come and sit and tell him things" (Christie). "Do you think you can stand?" (Maugham). Но если эти же глаголы обозначают пребывание субъекта в определенном неизменном положении (sitting, standing, lying) относительно объектов, адвербиальная валентность обязательно реализуется и она конструктивно обязательна [3]. Опускание адвербиального компонента в таких случаях разрушает ядро предложения, делает его неграмматичным. Так, в предложении "A shadowy figure with a decent face stood beside the statue of Australia..." (Galsworthy) опустить адвербиальный компонент невозможно. Разумеется, адвербиальные компоненты, как и субъекты действия, бывают имплицитными, напр.: "Of course, I'll stay" (Christie).

Как показал анализ фактического материала, адвербиальная валентность была реализована в 1755 словосочетаниях из 2000, что составляет 87,75 %. В подавляющем большинстве случаев (83,5 %) один или два адвербиальных компонента в таких сочетаниях являются структурно необходимыми, остальные адвербиальные адъюнкты относятся к факультативному окружению глагола. Наибольшее количество адвербиальных адъюнктов глагола, встретившихся в проанализированных текстах, равно пяти и зарегистрировано три раза (в словосочетаниях с глаголами sit, stand).

Отсутствие адвербиальных элементов обычно вызвано специфическими контекстуальными и ситуативными условиями, а также коммуникативными, содержательными задачами предложения. Адвербиальная валентность не реализуется в некоторых синтаксических позициях неличных форм глагола, например, в позиции препозитивного определения, выраженного причастием: "The taxi passed the standing bus" (Hemingway). Адвербиальные связи отсутствуют также, если глагол выражает действие в самом общем виде, как состояние субъекта вне связи с его местонахождением или положением по отношению к каким-либо предметам материального мира: "Everything passed, and what trace of its passage remains?" (Maugham).

Предикация исследуемыми глаголами не всегда заканчивается обозначением пребывания субъекта в определенном относительно неизменном положении в пространстве. В необходимых случаях она может дополняться обозначением предиктируемого состояния качества, в котором неизменно пребывает субъект. В таких случаях реализуется предикативная валентность глаголов, т. е. связь с предикатом. Предикативные связи обнаружены у всех глаголов, кроме linger. Общее количество употреблений глаголов с предикативом равно 86 (4,3 %). Этот вид связи наиболее характерен для глагола remain (36 употреблений из 59). В этом проявляется специфика семантики глагола и его функционирования в речи. Структура его сочетаемости с предикативом ничем существенно не отличается от структур сочетаемости без него. Следовательно, связочная функция статических глаголов и предикативная связь определяются лишь коммуникативным заданием: кроме обозначения «своих» собственных семантических признаков и предикативности, эти глаголы связывают предикатив с подлежащим и таким образом предиктируют ему и этот дополнительный признак [1]. Разумеется, в этой функции глаголы, особенно группы 1, подвергаются некоторым семантическим изменениям: ведущим семантическим признаком в этом случае является пребывание субъекта в относительно

неизменном состоянии во времени безотносительно к окружающим объектам или к частям субъекта, напр.: "Sit tight — stick firmly to one's purpose, opinion, etc. I stand corrected (I accept the correction)" (ALD). В связи с этим возникает вопрос, есть ли какие различия и в чем они проявляются у разных статических глаголов, обозначающих пребывание субъекта в неизменном состоянии во времени? Ответ на этот вопрос требует дополнительного исследования.

Все глаголы, кроме *lie*, *linger*, обнаруживают объектную валентность, которая реализуется сравнительно редко (6,35 %). Объектные связи, а также связи с релятивами [2] не согласуются с общим семантическим компонентом этих глаголов — пребыванием в неизменном положении / состоянии, ибо эти связи характерны для динамических процессов — изменения положения / состояния субъекта или объекта: "Some drug would stay the dreadful ebbing of his life" (Maugham). "One day they'll stand him against a wall and shoot him" (Christie).

Объектная валентность исследуемых статических глаголов реализуется преимущественно в каузативных конструкциях. У глаголов *sit* и *stand* были отмечены как прямые, так и опосредованные связи со словами в функции дополнения: "He carried her to the bed and sat her down upon it" (Maugham). "I suppose you wouldn't like to sit to an artist for a book-wrapper" (Galsworthy). У глаголов *remain* и *wait* были зарегистрированы только предложные связи с объектом, а у глагола *stay* только беспредложные объектные связи: "Robert Cohn was waiting for me" (Hemingway). "Soames stayed his toast" (Galsworthy). У всех указанных выше глаголов, кроме глагола *stand*, было отмечено по одной объектной связи. Глагол *stand* может иметь два объектных компонента: "You'll have to stand me another supper..." (Christie). В конструкциях с объектными компонентами нередко бывают и адвербиальные элементы: "A chair was waiting for Kitty at the landing-stage" (Hemingway).

Однако в случае реализации объектной валентности глагола вероятность употребления в том же сочетании обстоятельства резко уменьшается. Так, если в конструкциях, не содержащих ни дополнения, ни предикатива, частотность адвербиальных элементов составляет 93 %, то в объектных конструкциях она снижается до 33 %.

Глагол *lie* не имеет объектной валентности, по всей вероятности, ввиду наличия специального каузативного глагола *lay*. Отсутствие некоторых общих связей у глагола *linger* (предикативных и объектных) свидетельствует о значительном своеобразии его семантики по сравнению с другими глаголами. Фактически он не обозначает пребывание в неизменном положении / состоянии, а лишь некоторую задержку неизбежного изменения какого-либо положения или состояния: *to linger — to stay at or near a place after the proper time for going, go away late or slowly as if unwilling to leave, as to linger about after everyone else has left* (ALD). Следовательно, этот глагол должен быть исключен из дальнейшего исследования.

Объектную валентность статических глаголов можно объяснить, по-видимому, необыкновенной легкостью каузирования, свойственной системе глагола современного английского языка: практически любой глагол может употребляться в каузативной конструкции, отражающей реальную возможность такого процесса в действительности. Однако ведущий семантический компонент, своего рода семантический лейтмотив статических глаголов противоречит употреблению их в каузативных конструкциях. Можно предположить, что статические глаголы обозначают в таких случаях не само движение, не динамический характер действия, а лишь его конечную фазу — результативное положение / состояние субъекта или объекта в пространстве или времени.

Для окончательного выяснения этого и других вопросов необходимо детально исследовать и описать собственное значение каждого глагола в терминах сем, составляющих инвариантное значение слова, значение слова и роль каждого из них в порождении основных типов смыслов глаголов в процессе их функционирования в речи.

Список литературы: 1. Голик У. Р. Структура и семантика основных типов сказуемого в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Львов, 1977. — 32 с. 2. Гурский С. Е. *The Idiomatic Heart of the English Language*. — Львов: Вища школа, 1975. — 182 с. 3. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. — Киев: Вища школа, 1971. — 191 с. 4. Степанова М. Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике. — Иностр. яз. в школе, 1973, № 6, с. 32—46. 5. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высш. школа, 1967. — 298 с. 6. Уфимцева А. А. Семантика слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, с. 5—80.

Поступила в редколлегия 29.09.81.

И. П. ЛИПКО

ВАРЬИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ HAVE В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Возросший интерес к природе языкового варьирования в отечественном и зарубежном языкознании обусловлен прежде всего сложностью данного явления и его исключительной важностью для понимания характера языкового развития. Проблема варьирования открывает перспективы в изучении таких сторон функционирования языковых систем, как направление языковой эволюции, причинная обусловленность тех или иных сдвигов системы и ее функционирования; взаимодействие социолингвистических и внутрисистемных факторов языковых изменений, развитие единого языка в разных ареалах в условиях современного мира, взаимоотношение нормы и вариантов.

Поэтому глубокий анализ проблемы варьирования в плане общей теории языка и применительно к конкретным языковым системам, подсистемам и микросистемам представляет несомненный теоретический и практический интерес. Как справедливо указывает В. Н. Ярцева, «...многие вопросы вариативности языка на различных уровнях его структуры и особенно связи формального и семантического варьирования остаются малоисследованными» [3].

Варьирование представляет собой сложный многогранный процесс. В границах варьирования различают определенные типы вариантных отношений, которые можно выделить на основе следующего набора признаков: функционирование вариантных единиц в пределах одного или нескольких литературных языков, входящих в архисистему единого языка, например функционирование вариантных форм определенного языкового явления в границах только британского варианта (ВЕ) английского языка или в американском (АЕ), австралийском и других вариантах; варьирование, обусловленное экстралингвистическими факторами, в первую очередь существованием единого языка в разных ареалах или возникающие только под влиянием внутрисистемных закономерностей; сфера и уровень структуры языка, на котором функционируют вариантные единицы; наличие или отсутствие определенной зависимости грамматических вариантов от лексических характеристик соответствующих единиц; варьирование, обнаруживаемое только в синхронии или прослеживаемое в процессе языковой эволюции.

Рассмотрим одну из частных проблем теории варьирования — употребление глагола *have* в вопросительных и отрицательных предложениях со вспомогательным глаголом *do* и без него в ВЕ и АЕ. Материалом для исследования послужили оригинальные тексты современных английских и американских писателей и данные опроса информантов. Общий объем выборки составил 12 тыс. примеров (по 6 тыс. на каждый вариант).

На основании предварительного семантического изучения большого корпуса речевого материала, включающего *have* в различных значениях, для изучения вопроса о том, существует ли зависимость между употреблением *do*

в вопросительных и отрицательных предложениях с have от синтагматического значения have (в разных ареалах) был выделен ряд семантических групп, отражающих наиболее важные стороны семантической структуры глагола have.

Варьирование в употреблении структур с do и без do рассмотрим лишь в наиболее распространенных семантических группах: have + существительные конкретного значения, have + существительные абстрактного значения, что тем не менее дает возможность получить определенное представление о реальном соотношении этих структур в изучаемых ареалах.

Отрицательные предложения. В данных предложениях глагол "have" в сочетании с существительными конкретного значения характеризуется в BE значительным преобладанием структур без do над do-структурами (68 и 32 %), в то время как в AE структуры с do доминируют над структурами без do (76 и 24 %). Соотношение do-структур в BE и AE равно 1 : 2,5.

После определения соотношения количественных характеристик рассматриваемых структур в BE и AE в каждом случае приводим примеры их употребления:

BE

I haven't any Sunday clothes (J. Braine). I didn't have the key of the flat upstairs (M. Underwood).

AE

I don't have my car (F. Keyes). His partner said: "I haven't a car" (A. Fair).

Преобладание структур без do над do-структурами в группе have + существительные отвлеченного значения еще больше в BE (81 и 19 %), тогда как в AE do-структуры составили 65 % по сравнению со структурами без do (35 %).

В данной семантической группе аналитические структуры в AE по сравнению с BE представлены в 3,5 раза чаще. Напр.:

BE

I haven't time to discuss it. (C. Snow). You don't have the style of a commercial traveller (C. Watson).

AE

"I don't have any choice", she cried (B. Leonard). We haven't time to waste on modesty (A. Hailey).

Вопросительные предложения. В общевопросительных предложениях корреляцию структур с do и без do в семантических группах с have + существительные конкретного и отвлеченного значений в обоих вариантах можно охарактеризовать как имеющую, по существу, противоположный характер. Так, в BE структуры без do составили 84 %, с do — 16 %, в AE — 22 и 78 % соответственно, т. е. соотношение do-структур в BE и AE равно 1 : 5 в первой семантической группе, а во второй структуре без do в BE составили 82 %, с do — 18 %, в AE — 31 и 69 %, соотношение do-структур в BE и AE равно 1 : 4. Напр.:

BE

Has he any money of his own? (N. Maynard). Did they have enough money to set up a flower shop? (A. Christie). Have you any other occupation? (J. Galsworthy). Do you have any hobbies? (Penguin Modern Stories).

AE

Do you have a cigarette? (R. Jaffe). Have you a fire? (E. Wharton). Do you have any knowledge of mechanics? (E. O'Neill and others). Have you an answer? — None (H. Roth).

Если в специальных вопросах предложения с have + существительные отвлеченного значения в основном употребляются в do-структурах в AE — 80 %, и соответственно структуры без do — 20 %, то в BE структуры без do зарегистрированы в 62 % случаев употребления, а do-структуры — 38 %, т. е. соотношение аналитических структур в BE и AE равно 1 : 2:

BE

What news have you for me?
(G. Shaw). Why do we have this
desire? (G. Greene).

AE

What reason did Quentin have?
(W. Faulkner). What right has he?
(E. O'Neill and others).

В вопросительно-отрицательном типе вопросов (общих и специальных) до-структуры и структуры без do в семантической группе с have + существительные конкретного значения обнаруживают одинаковые количественные характеристики в BE (50 и 50 %), в то время как в AE удельный вес до-структур немного больше, чем структур без do (60 и 40 %):

BE

Haven't you the lovely arms?, she
said (W. Trevor). Why didn't you
have some of your own things around
you? (F. King).

AE

Has he not small hands for a child
his size? (H. Roth). Didn't you have
any money? (R. Jaffe).

Что касается семантической группы с have + существительные отвлеченного значения, то в BE и AE удельный вес до-структур и структур без do примерно одинаковый, напр.:

BE

Why don't you have a bit more res-
traint or reserve or something?
(D. Lawrence). Hasn't she a right to
do what he liked with his own
tree? (D. du Maurier).

AE

Haven't I right to be frightened?
(H. Roth). Don't you have a date,
baby?, she asked me (J. Salinger).

В разделительном типе вопросов предложения с have + существительные конкретного значения зарегистрированы как в аналитических структурах, так и в структурах без do с одинаковым удельным весом в BE (50 и 50 %), в AE указанная семантическая группа зарегистрирована в 100 % случаев в аналитических структурах:

BE

He has no money, has he? (N. May-
nard). The girl had some money, didn't
she? (A. Christie).

AE

I don't have a car, do you? (R. Jaffe).

Семантическая группа с have + существительные отвлеченного значения представлена одинаковым соотношением до-структур и структур без do в обоих вариантах с преобладанием первых в AE (до-структуры — 67 %, структуры без do — 33 %) и последних в BE (структуры без do — 67 %, до-структуры — 33 %), т. е. соотношение до-структуры BE и AE равно 1 : 2. Напр.:

BE

I haven't free will to break my pro-
mise, haven't I? (G. Greene).
They have a jolly time there, don't
they? (M. Scott).

AE

We don't have much time... do we?
(R. Jaffe). I haven't any doubts,
nor have you, not really. Have you?
(A. Hailey).

Таким образом, анализ полученных данных функционирования до-структур и структур без do в рассматриваемых семантических группах и типах предложений в BE и AE дает основания для следующих выводов. Характер употребления аналитических структур связан, в первую очередь, с типом

предложения (отрицательным, вопросительным — общим, специальным и т. д.) и в известной степени обусловлен синтагматическим значением *have*, реализуемым в его дистрибуции. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что тип предложения и синтагматическое значение *have* нельзя рассматривать как факторы, жестко детерминирующие структурный тип вопроса и отрицания; они *определяют ведущую тенденцию к использованию структур с do или без do*. В рассматриваемых типах предложений зарегистрировано явное (до 100 %) преобладание до-структур в АЕ, при одновременном более широком охвате различных семантических групп до-структурами в ВЕ. По-видимому, распространение до-структур в обоих ареалах, более интенсивное в АЕ, связано, как справедливо полагает Т. А. Расторгуева, с преодолением внутрисистемных противоречий и стремлением «к единообразному маркированию одинаковых оппозиций» [2], т. е. тенденции к формальному выравниванию сходных структур, присущей языкам различных систем [1].

Список литературы: 1. Власко Н. К. Вариативность и норма в синтаксисе английского языка в Индии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1981. — 19 с. 2. Расторгуева Т. А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1980. — 50 с. 3. Ярцева В. Н. Семантическое и формальное варьирование. — М.: Наука, 1979. — 375 с.

Поступила в редколлегию 28.09.81.

И. П. ЛИПКО

ВАРЬИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ HAVE В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРОТЯЖЕНИИ XIX-XX ВВ.)

Исследователи, изучающие проблему варьирования, неоднократно подчеркивали важность изучения варьирования не только в синхронии, но и в диахронии [1]. Природа варьирования, сфера его действия, степень продуктивности вариантных параллелей — важнейший источник сведений о характере языковых изменений, потенциях языкового развития. «Роль варьирования в исторических изменениях и в эволюции языка в целом определяется следующим образом: варьирование в синхронии является источником исторических изменений, началом изменений, формой, сферой и условием их реализации» [1].

Данные изучения варьирования в его динамике позволяют экстраполировать определенные языковые изменения на будущее. Варьирование обычно возникает в сравнительно узких пределах, в какой-то одной части «языкового пространства» [1]. Исторические сдвиги в варьировании в границах различных подсистем еще не были объектом специального изучения, хотя результаты такого исследования помогли бы пролить свет на многие стороны языковой эволюции.

Анализ варьирования в диахронии предполагает изучение борьбы старого и нового, т. е. существовавшей ранее нормы и ее новой параллели, их сосуществования и возможной победы одного из вариантов, исследование причин становления вариантной единицы в данной форме, выяснение связи возникших вариантных форм с общими закономерностями строя изучаемого языка.

Исследование грамматического варьирования на определенном синхронном срезе и в динамике предполагает качественное изучение вариантных единиц, т. е. их структурных свойств, возможной зависимости от лексического характера единиц, с которыми взаимодействуют вариантные грамматические формы, и количественную оценку, так как «количественные показатели вари-

антности очень полезны в реконструкции истории языка как объективные данные об определенных сторонах языкового развития» [2].

Особый интерес представляет анализ динамики варьирования на протяжении последних двух столетий в разных ареалах одной языковой архисистемы. Этот интерес обусловлен рядом соображений. Такой сопоставительный анализ может дать представление о характере развития единого языка в разных ареалах в условиях современного мира, он может способствовать изучению вопроса об интенсивности и сфере языковых изменений в современную эпоху.

Диакронический анализ даже в границах такого ограниченного периода (XIX—XX вв.) обнаружил интересные закономерности, дающие основания выдвинуть в качестве рабочей гипотезы тезис *о едином направлении, но разной интенсивности изменений единой языковой архисистемы, функционирующей в разных ареалах*. По-видимому, при подтверждении этой гипотезы можно говорить о том, что конкретный характер грамматического варьирования детерминируется, главным образом, не внешними, но внутрисистемными закономерностями.

Материалом для данного исследования послужили художественные тексты американских писателей XIX—XX вв. Общий объем выборки составил 12 тыс. примеров (по 6 тыс. на каждое столетие). Для изучения вопроса о зависимости употребления до-структур или структур без do в вопросительных и отрицательных предложениях с глаголом have от синтагматического значения have выделяем ряд семантических групп.

Рассмотрим варьирование структур с do и без него в наиболее распространенных семантических группах, т. е. в сочетаниях глагола have с существительными конкретного (семантическая группа СГ-I) и абстрактного значения (СГ-II), что дает возможность получить определенное представление о реальном соотношении этих структур в американском варианте в XIX—XX вв.

Количественный и качественный анализ полученных данных показывает, что в отрицательных предложениях семантическая группа с have + существительные конкретного значения (СГ-I) зарегистрирована как в структурах без do, так и в аналитических структурах в XIX—XX вв. с той существенной разницей, что для XIX в. характерно преобладание структур без do над до-структурами (87 и 13 %), а в XX в. наблюдаем почти обратное их соотношение (76 % с do и 24 % — без него), т. е. рост до-структур в XX в. по сравнению с XIX в. представлен пропорцией равной, 1 : 6.

Приводим примеры рассматриваемых структур:

XIX в.

I haven't the money to pay for it...
(O. Henry). ...That didn't have oil-
stoves (O. Henry).

XX в.

Plain didn't have the money (T. Ca-
pote).
I haven't a car (A. Fair).

Аналогичную картину наблюдаем и в семантической группе с have + существительные абстрактного значения (СГ-II). Так, в XIX в. до-структуры составили 25, без do — 75 %; в XX в. — 65 и 35 % соответственно.

Удельный вес аналитических структур в XX в. увеличился в три раза:

XIX в.

I hadn't a real-lawful right (F. Co-
oper). I didn't have the courage
(W. Cooper).

XX в.

People didn't have any right to act
that way (M. Puzo). You and I have
not the right to be heedless (J. Green).

В общих вопросах наблюдается еще больший рост аналитических структур. Так, в СГ-I и СГ-II соотношение до-структур в XIX в. по сравнению с XX в. равно 1 : 11. в СГ-I до-структуры в XIX в. составили 7 % по сравнению со структурами без do — 93%, а в XX в. их удельный вес равен 78% по сравнению со структурами без do (22%). Напр.:

XIX в.

Had you three or four boats now, Don Benito? (W. Irving). Does the pear-tree have any pears on it? (W. Cooper).

В СГ-II до-структуры в XIX в. составили 6 %, а структуры без do — 94 %; в XX в. — 69 % и соответственно структуры без do 31 %, т. е. соотношение до-структур равно 1 : 11,5:

XIX в.

Have you some special reason? (W. Cooper). Do you have your ungenerous moments, then? (W. Cooper).

XX в.

Did he have the gold slippers with him (F. Keyes)? Have you a handkerchief? (W. Saroyan).

XX в.

Do you have any reason for that? (E. Segal). Have we time for that? (W. Faulkner).

В специальных вопросах наблюдаем сохранение структур без do в СГ-I на протяжении исследуемого нами периода, тогда как для СГ-II характерно особенно интенсивное проникновение до-структур. Если в XIX в. структуры без do зарегистрированы в 100 % случаев употребления, то в XX в. структуры без do составили только 20 %, т. е. их число сократилось в пять раз за счет роста аналитических образований в XX в. (80 %).

XIX в.

Why has this land no story-tellers like those who have made Massachusetts...? (H. Garland). What right have they here in the home of the white? (J. Whittier).

XX в.

Why has South eastern Alaska so many canning factories? (J. Salinger). What reason did he have? (W. Faulkner).

В вопросительно-отрицательном типе вопросов в СГ-I и СГ-II в XIX в. по нашим данным зарегистрированы только структуры без do (100 %), а в XX в. в обеих семантических группах наблюдаем проникновение аналитических структур (в первой группе 60 %, во второй — 44 %) и соответственно структуры без do составили 40 и 56 %, напр.:

XIX в.

Haven't you any useful books? (American Anthology of the XIX-th century. p. 792). Hadn't he any sense that fool? (F. Morris).

XX в.

Didn't he have a gun? (W. Faulkner). Has he not small hands for a child his size? (H. Roth).

Разделительные вопросы в XX в. характеризуются стопроцентным употреблением до-структур в СГ-I: I don't have a car, do you? (R. Jaffe). Mr. Clutter had a lot of money, didn't you? (T. Capote) (примеры из XIX в. не зарегистрированы).

Что касается СГ-II, то, если в XIX в. до-структуры и структуры без него обнаружили равные количественные характеристики (50 и 50 %), в XX в. удельный вес структур без do в два раза меньше по сравнению с аналитическими (1 : 2), т. е. 33 и 67 %:

XIX в.

We have no use for that roaring lush, Delancy, have you? (F. Morris). There now! It's over. Hardly had time to yawn, did you? (O. Henry).

XX в.

We don't have much time..., do we? (R. Jaffe). I haven't any doubts, ...have you? (A. Hailey).

Проведенный количественный и качественный анализ динамики структуры вопросительных и отрицательных предложений в исследуемых СГ в бри-

танском варианте английского языка обнаруживает также явное увеличение удельного веса аналитических образований в XX в. по сравнению с XIX в.

Однако интенсивность роста аналитических структур в американском и британском вариантах различна. В приведенной таблице показан рост до-структур в XX в. по сравнению с XIX в.

Группа	Ареал	Соотношение до-структур в предложениях				
		отрицательных	общих	специальных	вопросительно-отрицательных	разделительных
СГ—I	ВЕ	1 : 11	1 : 3	1 : 2,6	1 : 50	1 : 50
	АЕ	1 : 6	1 : 11	33 : 1	1 : 60	1 : 100
СГ—II	ВЕ	1 : 10	1 : 6	1 : 38	1 : 60	1 : 4
	АЕ	1 : 2,6	1 : 11	1 : 80	1 : 44	1 : 1,3

Что касается употребления до-структур или структур без него в настоящем и прошедшем времени, то наши данные свидетельствуют о том, что в британском и американском вариантах английского языка в XIX и XX вв. удельный вес до-структур в прошедшем времени больше, чем до-структур в настоящем времени. Так, соотношение до-структур в настоящем времени к до-структурам в прошедшем времени в XIX в. в британском варианте равно 1 : 2,3; в американском — 1 : 2,6; в XX в. в британском равно 1 : 1,4; в американском — 1 : 1,3.

Таким образом, диахронический анализ позволил выявить сокращение количества структур без до; значительный рост аналитических структур; варьирование до-структур и структур без него (параллельное употребление до-структур и структур без до характеризуется преобладанием первых в XX в., а последних в XIX в.), т. е. перераспределение удельного веса этих структур происходит на протяжении XIX—XX вв. В обоих вариантах английского языка в XIX—XX вв. удельный вес до-структур в прошедшем времени значительно больше по сравнению с до-структурами в настоящем времени и зависит от типа предложения и синтагматической характеристики have.

Список литературы: 1. *Расторгуева Т. А.* Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. — 51 с. 2. *Расторгуева Т. А.* Изучение количественных показателей грамматических вариантов в английском языке. — Филол. науки, 1967, № 4, с. 52—61.

Поступила в редколлегию 26.09.81.

А. П. МАРТЫНЮК

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ВИДОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Проанализируем семантическое варьирование грамматических форм видовойременной системы глагола в двух основных региональных разновидностях английского языка: британской и американской. Изучение варьирующих единиц проводится с учетом внутриязыковых и социальных факторов. В соответствии с этим условно выделим две социальные группы (I, II) носителей языка. В первую входят представители буржуазии и интеллигенции, тяготеющие к литературной норме, а во вторую — крестьяне, мелкие фермеры, рабочие, речь которых часто далека от литературного стандарта. При этом предполагается провести синхронно-диахронное исследование на двух временных срезах: в начале и во второй половине XX в. Выбор временных срезов неслучаен. Проблемы варьирования видовременных форм получили разработку на

материале древнеанглийского, среднеанглийского и новоанглийского периодов. Весь новоанглийский период рассматривался как целое.

Попытаемся показать, что и в новоанглийском борьба между конкурирующими вариантами не завершилась, изменились лишь количественные отношения между ними. Так, неправомерно утверждение о том, что претерит, конкурирующий с перфектом, исчез в британском варианте английского языка. Легко доказать, что во многих случаях конкурирующий вариант также не исчезает бесследно. Поэтому, во-первых, проследим дальнейшее развитие процессов, обнаруженных нашими предшественниками, и, во-вторых, попытаемся определить возможные тенденции развития вариантов, выражающих значения предшествования и следования. Кроме того, обозначенные рамки исследования позволяют поставить задачу и уточнить природу взаимоотношений двух основных региональных разновидностей в новоанглийский период.

Поскольку изучалась устная речь, материалом для исследования послужили драматургические произведения британских и американских авторов. Нельзя не признать, что художественное отображение не дает вполне адекватной картины действительных свойств реальной речи, но, несомненно, представляет их хорошую модель [2]. Конечно, мы не стремимся отразить встречаемость элементов в реальной речи, но, по-видимому, можно определить какие-то тенденции развития варьирующих единиц при условии, что основные стилистические особенности драматургических произведений не меняются на протяжении рассматриваемого периода.

При обработке материала большое место занимают подсчеты частотности с применением математической статистики. В частности, для определения характера расхождения относительных частот интересующего нас явления применялась формула Д. Рида.

Переходя к описанию механизма варьирования отдельных грамматических форм при выражении одного и того же значения, необходимо отметить, что здесь наблюдается сложный процесс, включающий не только элементы формального, но и семантического варьирования. С одной стороны, две или несколько форм выражают одно значение, а с другой — в семантической структуре самих варьирующих форм появляются новые значения. Подобным образом варьируют формы Past Indefinite и Present Perfect при выражении значения предшествования моменту в настоящем, а также Present Indefinite и Future Indefinite, Present Continuous и Future Indefinite при выражении значения будущего. Рассмотрим каждое из интересующих нас явлений в отдельности.

Past Indefinite и Present Perfect. Согласно полученным данным ближайшее языковое окружение этих форм качественно совпадает, хотя имеются некоторые различия в количественном плане. Так, с обстоятельствами типа «never» употребляются 30 % Past Indefinite и только 10,2 % Present Perfect. Однако в сочетании с подобными обстоятельственными словами эти формы признаны свободными вариантами в пределах нормы как американского, так и британского вариантов английского языка [3]. Поскольку со всеми другими обстоятельствами Past Indefinite и Present Perfect употребляются примерно в одинаковых пропорциях, приходится констатировать, что с точки зрения внутриязыковых отношений различия между ними обнаружить не удалось.

Переходя к рассмотрению внешних факторов, остановимся прежде всего на варьировании Past Indefinite и Present Perfect в региональных разновидностях английского языка. Данные диахронного анализа (см. табл. 1) показывают, что в начале и во второй половине века относительная частота Past Indefinite в АЕ выше, чем в ВЕ. (Здесь и в табл. 2—5 в числителе приведены данные, относящиеся к началу века, в знаменателе — ко второй его половине). При этом соотношение AD/SE на первом временном срезе равно 5,5, а на втором — 7,2 (AD — разность относительных частот явления в двух выборах, SE — квадратичное отклонение средней относительной частоты явления в сравниваемых выборах). Очевидно, больший процент данной формы в АЕ можно объяснить тем, что эта разновидность сохранила больше старых черт. Форма претерита в древнеанглийском выражала не только действие в про-

Таблица 1

Региональная разновидность языка	Present Perfect	Past Indefinite
BE	88/82,5	12/17,5
AE	75,9/68,1	24,1/31,9

Таблица 2

Региональ- ная разно- видность языка	Социальная группа	Present Perfect	Past Indefinite
BE	I	90,3/86,1	9,7/13,9
	II	85,1/75,7	14,9/24,3
AE	I	80,1/78,4	19,9/21,6
	II	69,8/45,8	30,2/54,2

шлом, не связанное с настоящим, но и состояние, завершённое к настоящему времени. И наоборот, сочетание с "habban" иногда, хоть и редко, выражало в древнеанглийском действие в прошлом, не связанное с настоящим. Более точное различие в употреблении претерита и перфекта выработалось лишь в новоанглийский период [1]. Нельзя не заметить, что относительная частота Past Indefinite как конкурента Present Perfect в BE несколько высока для того, чтобы говорить об исчезновении данного варианта в этой региональной разновидности.

Более того, неправомерно рассматривать употребление Past Indefinite в значении предшествования настоящему лишь как остаточное явление, поскольку, хотя частотность использования Present Perfect в этой семантической функции преобладает над частотностью Past Indefinite на обоих временных срезах, к концу исследуемого периода относительная частота синтетической формы возрастает как в AE, так и в BE. Причем подсчеты по формуле Д. Риды показывают, что расхождения между долями Present Perfect и Past Indefinite в начале и во второй половине века неслучайны в обеих разновидностях. Следовательно, наши данные не только противостоят утверждениям некоторых исследователей, считающих, что использование Past Indefinite со значением Present Perfect является особенностью только американского английского, но и не оставляют возможности рассматривать данное явление как остаточное, поскольку в обеих разновидностях наблюдается существенное возрастание относительной частоты синтетической формы [4].

В данном случае процесс увеличения частотности синтетической формы за счет аналитической в BE и AE протекает плавно, без скачков. Вероятно, это свидетельствует о самостоятельном развитии обеих разновидностей по линии раскрытия их собственных внутренних возможностей. Следовательно, если, учитывая более высокую частотность Past Indefinite в AE в начале века, предположить некоторое влияние этой разновидности на BE, то здесь оно недостаточно ярко выражено.

Обратимся к данным диахронного анализа варьирования рассматриваемых грамматических форм по социальным группам, представленным в табл. 2. Результаты исследования говорят о том, что процент использования Past Indefinite в обеих социальных группах существенно выше, чем в BE на двух временных срезах. При этом, если в BE относительная частота Past Indefinite существенно возрастает в обеих группах (IBE, IIBE), то в AE удельный вес этой формы становится выше лишь в группе IIAE, а в группе IAE употребительность Past Indefinite остается практически неизменной. Таким образом, частотность Past Indefinite в AE увеличивается лишь за счет «низших» социальных групп.

Поскольку в начале века частотность Past Indefinite в группе IIBE значительно выше, чем в IBE, не исключено, что тенденция к замене аналитической конструкции синтетической пришла в речь образованных англичан «снизу». Таким образом, вероятно, процесс возрастания частотности Past Indefinite в IBE проходит под влиянием, с одной стороны, речи низших классов внутри региональной разновидности, а с другой — норм американского варианта английского языка.

Present Indefinite и Future Indefinite. Анализ языкового окружения этих форм показывает, что при качественном его совпадении имеются существенные

количественные различия. Так, если обстоятельственные слова уточняют общее значение грамматической формы Future Indefinite лишь в 9,9 % от общего числа случаев, то Present Indefinite в значении будущего употребляется с обстоятельными словами в 26,2 % случаев. Согласно подсчетам по известной формуле расхождение это существенно. Следовательно, уже на уровне внутриязыковых отношений данные варианты не могут быть признаны свободными, так как определяются факторы, препятствующие распространению Present Indefinite в данной семантической функции: недостаточность «специализации» данной формы для выражения будущего.

Поскольку процент Present Indefinite в значении будущего в английском языке очень мал (на каждые 100 случаев Future Indefinite приходится примерно лишь два случая Present Indefinite) целесообразнее проводить анализ семантического варьирования этих форм только по региональным разновидностям. Из табл. 3 видно, что относительная частота Present Indefinite возрастает как в BE, так и в AE. Причем, согласно формуле Д. Рида расхождения между долями Present Indefinite и Future Indefinite на двух временных срезах существенны для обеих разновидностей. Примерно одинаковая частотность Present Indefinite в начале века в BE и AE не позволяет предположить влияния одной региональной разновидности на другую. Показатели частотности Present Indefinite ко второй половине XX в. значительно выше в BE. Следовательно, относительная частота этого семантического варианта увеличивается в BE более высокими темпами.

Present Continuous и Future Indefinite. Непосредственное языковое окружение этих форм качественно однообразно. Однако Present Continuous употребляется с обстоятельными словами времени значительно чаще, чем Future Indefinite. Это значит, что Present Continuous, как и Present Indefinite, не обладает достаточной самостоятельностью для выражения значения будущего и, как правило, нуждается в уточняющих словах.

Таблица 3

Региональная разновидность языка	Future Indefinite	Present Indefinite
BE	98,9/96,5	1,1/3,5
AE	99,5/98,3	0,5/1,7

Таблица 4

Региональная разновидность языка	Future Indefinite	Present Continuous
BE	90,6/80,2	9,4/19,8
AE	89,9/83,4	10,1/16,6

Таблица 5

Региональная разновидность языка	Социальная группа	Future Indefinite	Present Continuous
BE	I	99,1/77,1	0,9/22,9
	II	91,1/87	8,9/13
AE	I	91,3/83,5	8,7/16,5
	II	88,8/83,3	11,2/16,7

Относительная частота Present Continuous (табл. 4) возрастает в BE и AE. Практически одинаковая частотность Present Continuous в обоих вариантах английского языка в начале века говорит о том, что они в данном случае развиваются самостоятельно, но в одном направлении, причем в BE употребительность Present Continuous возрастает более высокими темпами.

Результаты анализа соотношения рассматриваемых семантических вариантов в социальных группах показывают, что в речи образованных носителей обеих разновидностей существенно увеличивается процент использования Present Continuous со значением будущего. В речи «низших» социальных слоев Великобритании употребительность Present Continuous почти не изменяется, а в речи представителей соответствующей социальной группы США количество этих конструкций значительно возрастает. Следовательно,

в данном случае языковое развитие ведет к сближению норм национальных вариантов в употреблении Present Continuous.

Отмечая, что в ВЕ относительная частота Present Continuous в начале века значительно выше в группе IIBE, можно предположить, что тенденция к замене Future Indefinite конструкцией Present Continuous идет «снизу», т. е. здесь сказывается влияние речи «низших» классов. В АЕ подобного явления не отмечено, поскольку частотность Present Continuous в IAE, IIAE на первом временном срезе примерно одинакова.

Сравнивая соотношение рассматриваемых семантических вариантов в социальных группах АЕ и ВЕ в начале века (см. табл. 5), нетрудно заметить, что если в группе IIAE и в группе IIBE процент Present Continuous примерно одинаков, то в группе IAE частотность этой конструкции выше, чем в группе IBE. Следовательно, возможно, что распространение конструкцией Present Continuous в речи «средних» социальных слоев англичан, проходящее под влиянием речи «низших» классов Великобритании, усиливается влиянием особенностей речи образованных носителей американского национального варианта.

Итак, на основании изложенного выше можно сделать вывод о том, что в новоанглийский период развитие вариантов не завершается, изменяется лишь количественное соотношение между ними. Так, в обеих разновидностях увеличивается относительная частота Past Indefinite за счет Present Perfect, растет употребительность Present Indefinite и Present Continuous, в то время как частотность Future Indefinite снижается. Попробуем определить содержание этих изменений. В первых двух случаях намечается процесс перехода от аналитической формы к синтетической, а в последнем — одна аналитическая форма сменяет другую. Однако в речи носителей английского языка встречаются два основных формальных варианта Present Continuous в семантической функции будущего: полная аналитическая конструкция и конструкция с опущенным вспомогательным глаголом. Произведя диахронный анализ соотношения вариантов Present Continuous в американской и британской разновидностях, приходим к выводу о том, что количество конструкций Present Continuous без вспомогательного глагола растет в АЕ и ВЕ, причем значительно (ср.: 4,5/10,5 % для ВЕ и 2,2/8,5 % для АЕ). Следовательно, в обоих случаях наблюдается переход от аналитизма к синтетизму разными путями. В первых, происходит передача семантической функции аналитической конструкции синтетической, что связано с семантическим варьированием грамматических форм. Во-вторых, полная аналитическая конструкция вытесняется новым синтетическим образованием путем формального варьирования (формальное варьирование аналитических видовременных форм рассматривалось отдельно)*. Относительно семантического варьирования, содержанием которого, видимо, является переход от аналитической конструкции к синтетической, можно сказать, что наметившаяся тенденция представляет собою явление не только языковой, но и литературной нормы. Согласно полученным данным распространение известных конструкций, как правило, идет «снизу» и впоследствии закрепляется в речи «средних» классов. При этом нельзя не признать, что описываемый процесс более характерен для литературного стандарта британской разновидности английского языка.

Список литературы: 1. Бруннер К. История английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — Т. 2. 372 с. 2. Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969, с. 343—355. 3. Leech G., Svartvik J. A Communicative grammar of English. — L.: Longman, 1975. — 324 p. 4. Vanneck G. The colloquial preterite in modern American English. — Word, 1958, 14, No 2, p. 237—241.

Поступила в редколлегию 30.09.81.

* См. статью А. П. Мартынюк в данном вестн.

ФОРМАЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ВИДОВРЕМЕННЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Формальное варьирование возможно в случае, когда при сохранении одного значения две разные формы могут чередоваться в одной и той же позиции [4]. При рассмотрении аналитических видовременных форм в данном аспекте можно говорить о формальном варьировании особого рода, когда одному значению соответствуют не разные формы, а варианты одной и той же. Так, значение предшествования какому-то моменту настоящего времени нормативно закреплено за аналитической формой Present Perfect, образуемой сочетанием вспомогательного глагола to have в настоящем времени и причастия II смыслового глагола. В речи носителей английского языка эта форма встречается в трех вариантах, дифференцируемых по наличию и отсутствию вспомогательного глагола или его части. Причем данное явление характерно как для британского, так и для американского варианта английского языка [5]. Нельзя не заметить, что опущение вспомогательного глагола или его части наблюдается не только в пределах перфекта, а охватывает почти все аналитические формы английского глагола. Очевидно, между так называемыми усеченными конструкциями (конструкции, где опускается часть вспомогательного глагола) и образованиями типа причастие II без вспомогательного глагола существует некоторая связь, так как и в том и в другом случае подвергается модификации или исчезает один и тот же компонент аналитической формы. Таким образом, здесь как бы намечается второй тип усеченных конструкций, которые можно условно обозначить соответственно УК1, УК2.

Цель данного исследования заключается в сравнении соотношения формальных вариантов аналитических видовременных форм английского глагола в двух региональных разновидностях: американской и британской (АЕ, ВЕ); выявлении социальных носителей УК1, УК2; определении факторов, препятствующих или способствующих распространению УК1, УК2; попытке на основании синхронно-диахронного исследования наметить основные направления их развития. Кроме того, параллельно с изложенными выше задачами предполагается уточнить характер взаимоотношений между двумя основными региональными разновидностями английского языка в новой исторической обстановке, т. е. в начале и во второй половине XX в., поскольку именно эти временные срезы определены для проведения исследования.

Новизна настоящей работы состоит в том, что здесь впервые ставится задача системного изучения формального варьирования аналитических средств выражения видовременных значений, а также впервые проблема варьирования языковых единиц рассматривается не только на уровне литературной нормы. Предпринимается попытка охватить все реализации языковой структуры с целью выявить возможность проникновения узусных явлений в языковую норму. Следовательно, поставленные задачи требуют учета особенностей социальных и территориальных диалектов. Поэтому предполагается условно разделить носителей языка на две группы: группа I (представители «средних» классов, тяготеющих к литературной норме) и группа II («низшие» социальные слои, в речи которых наиболее ярко проявляются черты социально-территориальных диалектов). Таким образом, данное деление наиболее приемлемо для уяснения языковой ситуации в рассматриваемых региональных разновидностях.

Материалом для исследования послужили произведения 40 британских и американских авторов. При этом предусматривался подбор равного количества материала для выборки по каждой социальной группе обеих разновидностей как на первом, так и на втором временных срезах. В основном использовалась драматургия, а в некоторых случаях прозаические произведения, поскольку в них дана модель разговорной речи того или иного периода. Стремясь дать исчерпывающую характеристику своим героям, автор до известной степени отражает и особенности социальных и территориальных диалектов. Примерно такими же свойствами обладают диалоги из художественной прозы.

В работе применялся метод изучения относительных противопоставлений, предложенный А. Д. Швейцером [3]. Полученные данные обрабатывались с помощью математической статистики. В частности, для выяснения того, являются ли расхождения в частотности тех или иных вариантов случайными или неслучайными, использовалась формула Д. Рида AD/SE . Здесь AD — разность относительных частот рассматриваемых языковых единиц в двух выборках; $SE = \frac{p_1 q_1}{n_1} + \frac{p_2 q_2}{n_2}$, где p, q — относительные частоты (доли); n —

длина выборки. Некоторые лингвисты считают, что расхождения между сравниваемыми результатами можно считать существенными как при $AD/SE \geq 3$, так и при $AD/SE \geq 2$ [1].

Поскольку объем настоящей работы не позволяет подробно рассмотреть формальное варьирование всех аналитических видовременных форм, целесообразнее остановиться на группе форм настоящего времени. Эти конструкции наиболее соответствуют ситуации общения и, следовательно, обладают самой высокой частотностью в разговорной речи по сравнению с группами прошедшего и будущего. Здесь, как правило, встречаются усеченные конструкции обоих типов.

Результаты диахронного анализа чередования вариантов аналитических форм Present Continuous, Present Perfect и Present Perfect Continuous в двух региональных разновидностях представлены в табл. 1, на основании которой можно констатировать, что для ВЕ во всех трех случаях характерно уменьшение удельного веса полных аналитических конструкций (АК) за счет увеличения количества УК1, УК2. Причем, согласно подсчетам по формуле Д. Рида, все расхождения относительных частот полных и усеченных вариантов данных конструкций в начале и во второй половине века могут быть признаны существенными (Здесь и в табл. 2 в числителе приведены данные, относящиеся к началу века, в знаменателе — ко второй его половине).

Таблица 1

Региональная разновидность языка	Конструкция	Present Continuous	Present Perfect	Present Perfect Continuous
ВЕ	АК	40,9/17	53,9/24	44,4/20,3
	УК1	54,6/66,1	44 /63,1	46,6/57,8
	УК2	4,5/16,9	2,1/12,9	9 /21,9
АЕ	АК	25,4/31,3	48,8/38,3	27,2/23,5
	УК1	65 /59,7	45,5/54,4	50,9/58,8
	УК2	9,6/ 9	5,7/ 7,3	21,9/17,7

Для решения вопроса об источнике распространения усеченных конструкций в ВЕ особый интерес представляет тот факт, что в начале века процент использования АК Present Continuous в АЕ ниже частотности этой конструкции в ВЕ. Следовательно, можно предположить, что увеличение частотности усеченных конструкций Present Continuous в ВЕ произошло под влиянием АЕ. Конечно, нельзя не признать, что в данном случае говорить о взаимовлиянии региональных разновидностей можно лишь гипотетически, поскольку рассматриваемые УК2 являются субстандартными вариантами, т. е. представляют собой узусные явления. В отличие от литературной нормы, субстандартные прослойки не могут влиять друг на друга. И все же можно предположить, что языковые нормы и узусные явления способны оказать некоторое влияние друг на друга через кино, литературу, драматургию, а также радио- и телеспектакли, дающие модель разговорной речи определенного периода и тем самым отражающие ее наиболее характерные реальные черты. Следовательно, принимая во внимание, что именно в начале XX в. с появлением и распространением таких средств массовой информации, как радио, а в даль-

нейшем и телевидение, возникает потенциальная возможность взаимодействия разновидностей на уровне языковых норм и даже узуса, целесообразно предположить, что АЕ дал толчок ускорению процесса замены полных аналитических конструкций Present Continuous усеченными. Эта тенденция была воспринята на британской почве и получила дальнейшее развитие, в то время как в АЕ удельный вес АК, а также УК1 и УК2 оставался примерно на одном уровне на протяжении всего исследуемого периода, так что ко второй половине XX в. абсолютные показатели частотности усеченных конструкций Present Continuous обоих типов в ВЕ значительно превышают соответствующие показатели в АЕ. Учитывая эти обстоятельства, можно, вероятно, сказать, что в данном случае АЕ выступает лишь в роли катализатора, в результате действия которого наметившийся ранее скрытый процесс опущения вспомогательного глагола или его части в Present Continuous ускоряется в ВЕ и происходит гораздо активнее, чем в АЕ [2].

При диахронном анализе соотношения вариантов Present Perfect и Present Perfect Continuous, очевидно, можно констатировать параллельное развитие данных форм в региональных разновидностях, поскольку относительная частота АК Present Perfect и Present Perfect Continuous в начале века примерно равна в АЕ и ВЕ.

В АЕ небольшие количественные расхождения в удельном весе формальных вариантов Present Continuous и Present Perfect Continuous на двух временных срезах являются случайными, так как и в том и в другом случае не превышают единицы. Относительно Present Perfect необходимо отметить, что, как и в ВЕ, здесь намечается процесс возрастания частотности УК1 за счет уменьшения относительной частоты АК. Правда, удельный вес УК2 остается при этом практически неизменным.

Проанализируем варьирование рассматриваемых форм с точки зрения социальных факторов. К сожалению, малочисленность примеров Present Perfect Continuous не дает возможности провести анализ соотношения вариантов этой конструкции по социальным группам. Удельный вес вариантов Present Continuous и Present Perfect в речи представителей социальных групп I, II каждой региональной разновидности в начале и во второй половине XX в. дан в табл. 2, на основании которой можно заключить, что наметившаяся в ВЕ тенденция распада АК Present Continuous и Present Perfect и образования усеченных конструкций первого и второго порядка проявляется наиболее ярко в речи носителей ВЕ, тяготеющей к литературной норме. Так, частотность АК Present Continuous и Present Perfect в группе IBE существенно снизилась. Соответственно употребительность УК1, УК2 значительно возросла. При этом особенно увеличивается количество УК2. Так, относительная частотность УК1 Present Continuous в группе IBE возросла в 1,7 раза, а употребитель-

Таблица 2

Региональная разновидность языка	Социальная группа	Конструкция	Present Continuous	Present Perfect
ВЕ	I	АК	59,1/19,7	75,3/22,6
	II		16,4/13,6	25,2/27,2
	I	УК1	38,7/67,4	23,5/72,2
	II		78,5/64,9	71,7/43,
	I	УК2	2,2/12,9	1,2/ 5,2
	II		5,1/21,9	3,1/29,8
АЕ	I	АК	39,4/38,1	63,4/41,7
	II		13,4/25	24,3/27,2
	I	УК1	51,4/56,1	35,7/56,1
	II		76,6/63,1	62,2/45,6
	I	УК2	9,2/ 5,8	0,9/ 2,2
	II		10 /11,9	13,5/27,2

ность УК2 — в 5,9, частотность УК1 Present Perfect в этой социальной группе стала выше в три раза, а УК2 в 4,3 раза. В то же время относительная частотность АК Present Continuous в группе IIBE осталась примерно на уровне начала века, как и частотность АК Present Perfect. В группе же IIBE произошло некоторое количественное перераспределение между двумя типами усеченных конструкций Present Continuous и Present Perfect, т. е. уменьшение удельного веса УК1 за счет роста употребительности УК2. Статистическая проверка показала, что расхождения относительных частот УК1, УК2 в начале и во второй половине века не случайны.

Существует мнение о большей демократичности американской нормы, которая проявляется, в частности, в том, что здесь речевые особенности представителей группы IIAE могут влиять на речь «среднего» класса. Однако данная закономерность характерна не только для АЕ. Так, можно предположить, что значительно более низкая частотность АК Present Continuous в группе IIBE в начале века дала толчок ускоренному процессу замены полных аналитических конструкций усеченными в группе IBE. Следовательно, высокая интенсивность этого процесса в речи средних социальных слоев англичан, вероятно, объясняется с одной стороны влиянием американского варианта английского языка как катализатора в целом, а с другой — влиянием речи представителей группы II внутри ВЕ.

Анализ формального варьирования Present Perfect, как и в случае Present Continuous, дает основания предположить, что особенности речи представителей группы IIBE в какой-то мере способствовали росту удельного веса УК в речи «средних» классов Великобритании, так как процент АК Present Perfect в группе IIBE в начале века значительно ниже, чем в группе IBE.

В речи представителей социальных групп США трудно выделить какое-то одно направление развития АК. Так, ко второй половине XX в. количество АК Present Continuous в речи средних социальных слоев американцев остается прежним, в то время как в речи низших слоев имеет место возрастание употребительности АК Present Continuous за счет уменьшения доли УК. Так, частотность АК Present Continuous в группе IIAE возросла в 1,9 раза, причем в данном случае увеличение удельного веса АК в речи низших социальных слоев США можно объяснить влиянием речи среднего класса, так как в начале века процент АК Present Continuous в группе IAE в 2,9 раза выше, чем в группе IIAE. Что касается Present Perfect, то во второй половине XX в. образованные американцы употребляют АК значительно реже, а УК1 значительно чаще, чем на первом временном срезе при почти неизменной частоте УК2. В речи «низших» классов американского общества количество АК Present Perfect практически не изменяется, а относительная частота УК2 заметно увеличивается за счет уменьшения частотности УК1. Учитывая, что в начале века процент АК Present Perfect в группе IIAE значительно ниже, чем в группе IAE, можно сказать, что в данном случае распространение усеченных конструкций идет «снизу».

Таким образом, наряду со стиранием существенных различий между региональными разновидностями в употреблении формальных вариантов Present Perfect намечаются другие, связанные с использованием формальных вариантов Present Continuous.

Определенный интерес представляет тот факт, что относительная частота АК в речи носителей тех или иных территориальных диалектов, как правило, значительно меньше, чем средняя частотность этих конструкций по социальной группе в целом. Например, употребительность АК Present Continuous в речи крестьян Норфолка в шесть раз меньше, чем средняя частотность АК Present Continuous по группе IIBE в целом, носители одного из диалектов Новой Англии используют АК Present Continuous более чем в пять раз реже остальных представителей группы IIAE, процент АК Present Perfect в речи крестьян, говорящих на Бирмингемском наречии, в четыре раза ниже, чем в целом по группе IIBE.

Таким образом, в обеих разновидностях и прежде всего в британском варианте английского языка наблюдается вытеснение полных аналитических конструкций усеченными. Заслуживает внимания распространение усечен-

ных конструкций второго типа, так как дальнейшее развитие этого процесса может привести к вытеснению аналитических форм новыми синтетическими образованиями, что представляет большой интерес в теоретическом плане, так как влечет за собой изменения всей системы английского глагола. Распространение новых явлений в рассматриваемых региональных разновидностях не всегда можно объяснить их взаимным влиянием.

Список литературы: 1. Дородных А. И. Вариативность глагольных средств выражения модальных значений в современном английском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976. — 23 с. 2. Дородных А. И. Опыт синхронно-диахронного изучения форм сослагательного наклонения и их эквивалентов в американском и британском вариантах английского литературного языка. — Вестн. Харьк. ун-та, 1977, № 159. — Иностр. яз., вып. 10, с. 30—35. 3. Швейцер А. Д. Литературный язык в США и Англии. — М.: Высш. школа, 1971. — 200 с. 4. Ярцева В. Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка. — В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979, с. 7—27. 5. Ярцева В. Н. Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы. — В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977, с. 12—27.

Поступила в редколлегию 30.09.81.

Н. И. МАСЛОВА, Н. Н. РОМАНОВСКАЯ

О СТРУКТУРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМ

Лингвистические терминологические исследования связаны с выяснением сущностных характеристик термина, его места в терминосистеме и лексической системе языка, выяснением способов образования и функционирования больших и малых терминосистем, связи терминологии с научными идеями их взаимного влияния. Определение термина обусловлено особенностями описываемого объекта, степенью изученности его и принципиально разными позициями исследователей по отношению к природе описываемого объекта.

Так, Д. С. Лотте: «термин должен выражать ограниченное, твердо фиксированное понятие независимо от контекста и быть однозначным в пределах данной и родственных дисциплин» [7]. А. А. Реформацкий: «термины — это слова специальные, ограниченные своим особым значением: слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и названий вещей» [9]; В. В. Виноградов: «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. является средством четкого обозначения, и тогда оно простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин» [3]; БСЭ: «термин — слово или словосочетание, признанное обозначать понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы» [11]; Т. Л. Кандаки: «термин — это слово или лексикализованное слово — сочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [6]. При всем разнообразии приведенных дефиниций терминов, свидетельствующих о сложности рассматриваемого явления, о его многосторонности, все же можно выделить два главных аспекта: сущностные характеристики термина (однозначность, точность, фиксированность) и способ существования терминов (в пределах данной и родственных дисциплин в специальной сфере употребления, в соответствующей системе понятий, в процессе познания и освоения круга объектов и отношений между ними). Иначе говоря, лингвистов интересуют вопросы: Что есть термин? Каково его значение? Как функционирует термин? Где функционирует?

Сложная и объемная проблема специфики термина пока не разрешена однозначно. И все же можно утверждать, что термин — это всегда результат и орудие профессионального мышления. Поэтому представители одной и той же профессии всегда заинтересованы в однозначности термина и его точности,

что избавляет участников общения от разномыслия в понимании и применении одних и тех же терминов, уменьшает потери в восприятии информации. Мышление и процесс трудового освоения мира поддерживает эту тенденцию и ее же разрушает, ибо мышление непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий и создает новые, требующие словесного, терминологического обозначения и выражения. Семантические границы терминов *точности* и *однозначности* времени изменчивы и не прочны. Одно не вызывает сомнений — строгая понятийность значения термина [2].

В качестве рабочего прием следующее определение: термин — это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименьшим специальным понятием и требующее дефиниции. При исследовании понятия термина неизбежно встает вопрос о той «специальной сфере», где он употребляется. Мы присоединяемся к тем лингвистам, которые полагают, что сферой функционирования терминологии является самостоятельная функциональная разновидность языка — язык науки [10].

В лексикологии вообще и в терминоведении в частности все большее внимание уделяется понятиям и отражаемым этими понятиями реалиям языка, обозначаемым терминами «лексическая система» и «терминосистема». Что такое любая терминологическая система? Рассматривая это словосочетание с точки зрения его компонентов можно сделать вывод, что это система, для которой характерным признаком является присутствие терминологии. Анализ второго компонента проведем по толковому словарю. Советский энциклопедический словарь сообщает: «система — целое, состоящее из частей: множество терминов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенное целостное единство». Следовательно, терминосистема — это совокупность терминов, находящихся в тесной связи друг с другом, что совпадает с формулировкой Д. С. Лотте [7].

Популярность в лексикологии термина «терминосистема» очевидно связана с таким подходом к изучению терминов, который назван «системным подходом к изучению языковых явлений». Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников пишут: «по-видимому, рассмотрение любого естественного объекта, как и любого сложного фрагмента природы, возможно производить, по крайней мере в трех разных отношениях: на уровне элементов, на уровне отношений, на уровне целого. Эти три аспекта, в общем, соответствуют трем подходам к изучению объекта: элементного, структурного, системного» [8]. Между целым и его компонентами существует взаимная зависимость. Изменение элементов и отношений сказывается на целом. Если терминосистема — единство элементов-терминов, то она может соотноситься с определенной областью знания, проблемой, темой, научной школой — отсюда понятным становится образование макро- и микросистем. Например, терминосистема «двигатель внутреннего сгорания» функционирует внутри терминосистемы «автомобильная промышленность», терминосистема «автомобильная промышленность» внутри терминосистемы «транспорт». Терминосистемы связаны друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, дериватологическом и грамматическом уровнях. Эти типы связей классифицируются в науке о языке как материальные и семантические, функциональные и генетические, двусторонние и односторонние, парадигматические и синтагматические. Изучение всех типов связей и отношений и есть системный подход, который должен соответствовать потребностям современной науки. Для более отчетливого рассмотрения системной организации и системных связей терминов возьмем одну из малых терминосистем с организующим ядром «automobile». В этой макросистеме функционирует немало простых и составных терминов, соотнесенных и связанных на базе понятий науки и на базе структуры языка. Словообразовательные связи между терминами не совпадают со связями понятийными. Так между терминами «valve-shaft-rod» нет дериватологических зависимостей, однако есть зависимости понятийные — названия частей двигателя. Вероятно, не бывает обратного, т. е. чтобы термины, связанные на основе словообразования, оказались бы не связанными на понятийной основе «combustion-combustor-combustible», словообразованием и понятийно, хотя последние не являются аналогом словообразовательных. Дериватология терминов не изо-

морфна их понятийной соотнесенности. Внутри составных терминов устанавливаются определенные логико-семантические отношения между их элементами. В терминосистеме составные термины могут образовывать ряды по общности модели "assignment of traffic, attainment of superelevation"; участию одного и того же односложного термина в построении нескольких родственных дериватов "combustion — combustor — combustible — combustibility"; общности грамматических значений терминов элементов "clay band — band brake"; общности логико-семантических отношений между элементами "valve-shaft-rod". Лингвистической наукой доказано, что пополнение вокабуляра терминологических систем происходит в основном за счет обиходных слов, являющихся принадлежностью общелитературного языка. В научных текстах лексико-семантическая структура слов получает дальнейшее развитие, она пополняется новыми вариантами значений. Расширение объема смысловой структуры слова называется расширением его предметно-вещественного содержания и сферы употребления. Пополнение словарного состава научно-технических текстов осуществляется в основном не за счет создания каких-то принципиально новых слов, а за счет развития полисемии. Выявление закономерностей межслойной полисемии является одним из важнейших направлений в области исследования терминосистем. При переходе из одного еоя вокабуляра в другой происходит нарушение системных связей лексических единиц, которое реализуется в изменениях лексической сочетаемости мигрирующей единицы. И. В. Арнольд и Р. С. Гинзбург полагают, что изменения в лексической сочетаемости есть сигнал о наличии у данной лексической единицы потенциальных, импликационных сем. Очевидно при переходе из одной разновидности языка в другую импликационные компоненты актуализируются, становятся явными. Актуализация импликационных компонентов значения изменяет положение лексической единицы в системе, что выражается ограничением ее сочетаемостных возможностей [1].

Терминологическая лексика представляет собой совокупность специальных наименований, объединенных в терминосистему. Каждая терминосистема отражает категориальный аппарат, систему понятий конкретных наук, научных направлений, школ. Специальная терминология каждой науки объединяет наименования категорий понятий: объект, явление, их закономерная связь, отношение свойств, признаков, качеств, процессов, состояний, лиц, наук и т. п. Термины составляют главную специфику языка науки. Это наиболее информативная часть лексики. Присутствие терминов дифференцирует состав языка науки от общелитературного по следующим направлениям: семантически (термины именуют только специальные понятия, каждый из них уникален по своему содержанию); функционально (термины обладают не только номинативной, но и дефинитивной функцией); по сфере распространения термины являются принадлежностью только языка науки (в своей прямой функции термины служат средством только профессионального общения); по источникам, способам и средствам создания (термины имеют свои специфические ресурсы, которые не находят применения в других разновидностях общелитературного языка); по семиотическому составу единиц наименования (в терминологии, и кроме общеязыковых средств — словесных знаков, широко используются символы, выходящие за рамки вербальных средств выражения).

Современная английская терминологическая лексика довольно пестра и разнообразна. Она включает в себя исконно английские слова: body, belt, tooth; заимствованные: resistance, dispersion; старые: hand, cock и новые: electronics, ecology; обиходные по происхождению: heart, nose, finger и узкоспециальные: suffix, poult, созданные по моделям общелитературного словообразования flapper — flapping — flaps и по специализированным моделям терминологии sememe, morpheme.

При анализе современной терминологии английского языка необходимо различать источники заимствований: готовых языковых единиц, например, названий частей тела, которые создали в терминологической системе обиходные терминологические микросистемы: finger — finger bar — finger breadth method — finger chute etc. и заимствование средств, предоставляющих воз-

возможность создания терминов (слов и словосочетаний) средствами слов образования: *T-junction*. Так, говоря о заимствованиях готовых слов и терминологии нужно различать заимствования не только из языка в язык, но и из системы в систему (или из системы в подсистему). Во втором случае имеются в виду заимствования в отраслевые конкретные терминологии слов общелитературного языка и семантическое преобразование их, семантическая терминологическая утонченность, необходимая для специального наименования: „body” в терминосистеме „*automobile*” значит только «кузов» и «кожух»; „heart” приобретает значение «основной узел», компонент, основа чего-либо: *heart of the camera*, *heart of the control chip*; могут образовываться термины и готовые стандартных частей: *super*, *extra*, т. е. терминологических и средствами морфологического словообразования: *high light*, *tradeoff*, *sole-sourcing*. В качестве стандартных терминологических чаще всего выступают греко-латинские по происхождению морфемы, ставшие международным терминологическим фондом.

В. Ф. Флюд в словаре «Термины. Их структура и значение» приводит около 1150 таких терминологических элементов из английской научной речи, Д. Хеллер и Д. Свенсон в книге «Элементы технической терминологии» приводит 1229 греко-латинских корней глаголов, прилагательных и существительных, употребляемых в качестве терминологических в английских технических терминах, напр.: *supercontrol tube*, *extra duty*.

Таким образом, организация терминов в большие и малые терминосистемы осуществляется на нескольких уровнях: понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом. Терминосистема — это соотнесенная с определенной областью знания (проблемой, темой, научной школой) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях. Под терминосистемой можно иметь в виду как систему научных терминов, так и терминосистему других областей человеческой деятельности. Системная организация терминологии и системные связи терминов выявляются в функционировании микросистем внутри макросистем. Каждая терминосистема должна иметь организующий центр. Термины в терминосистеме соотносятся на базе понятий науки и структуры языка. Сфера функционирования терминосистем — самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка — язык науки.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте. — Иностран. яз. в школе, 1979, № 5, с. 9 — 12. 2. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979. — 266 с. 3. Виноградов В. В. Русский язык. — М.: Л.: Наука, 1947. — 362 с. 4. Даниленко В. П. Русская терминология. — М.: Наука, 1977. — 238 с. 5. Денисов П. П. Системность и связанность в лексике и системе словарей. — В кн.: Совещание по проблеме определений терминов в словарях: Тез. докл. М., 1974, с. 57—61. 6. Кандалики Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. — М.: Наука, 1977. — 224 с. 7. Лотте Д. Л. Основы построения научно-технической терминологии. — М.: Физматгиз, 1961. — 212 с. 8. Общее языкознание / Под ред. А. А. Реформатского. — М.: Высш. школа, 1972. — 362 с. 9. Реформатский А. А. Введение в языкознание. — М.: Высш. школа, 1965. — 412 с. 10. Сифоров В. И. Проблемы научно-технической терминологии. — Вестн. АН СССР, 1975, № 8, с. 19. 11. Термин. В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 25, с. 473.

Поступила в редакцию 20.11.81.

ПРОЦЕСС ВАРИАБИЛИЗАЦИИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Русская и немецкая лингвистические терминосистемы создавались первоначально за счет заимствований из классических языков (древнегреческого и латинского), давших не только образцы грамматики, но и грамматические термины. Известный лингвист ГДР В. Шмидт в этой связи пишет: «Часто бывает так, что при знакомстве с более развитой культурой какого-либо другого народа заимствуются не отдельные слова, а вся терминология определенной отрасли знания» [10].

В процессе заимствования большинство греческих и латинских лингвистических терминов, а также терминов, не существовавших в древности, а созданных позднее на основе морфем этих языков, становилось интернационализмами по той причине, что и другие формирующиеся языки Европы заимствовали данные слова.

Касаясь путей появления новых терминов, М. Д. Степанова и И. И. Чернышева отмечают, что терминологическая лексика является тем слоем словарного состава, который наиболее интенсивно обменивается и проявляет тенденцию к интернационализации. Технические, общественно-политические, философские, химические, биологические, лингвистические и другие термины очень часто являются интернационализмами почти во всех языках [8].

Удельный вес заимствований в различные периоды истории языкознания (в первую очередь грамматики) какого-либо языка неодинаков. В начальный период заимствования играют более важную роль, чем в последующие периоды, поскольку являются основополагающими, т. е. образуют фундамент всего здания лингвистической терминологии. Термины, заимствованные позднее, представляют собой лишь отдельные детали этого здания. Так, основные современные морфологические термины появились в русском и немецком языках еще в средние века и создали богатую словообразовательную базу для всей грамматической терминологии этих двух языков.

Примерами ранних заимствований лингвистических терминов в русском языке могут служить кальки: части слова (части речи), имя, место имени, речь (глагол), причастие, наречие, предлог, союз, время, залог, наклонение, падеж (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный и др.), число и т. п. [2]. В этот же период немецкий язык заимствовал из латыни также большое количество важных терминов: Artikel, Adjektivum, Deklination, Interjektion, Modus Indikativus, Person, Präposition, Tempus, Verbum и др. [9].

При рассмотрении вопроса о заимствовании лингвистических терминов необходимо подчеркнуть, что процесс заимствования не ограничивается первоначальным периодом в истории развития национального языкознания, а продолжается и в последующие периоды и никогда не прекратится, поскольку развитие лингвистики протекает в разных странах неравномерно и поскольку постоянно совершается обмен достигнутыми результатами. Так, в настоящее время, когда возникает и бурно развивается целый ряд новых лингвистических дисциплин, ярким примером, подтверждающим это положение, может служить факт заимствования русским и немецким языками мощного пласта американских лингвистических терминов (алломорф, аллофон, альтернация, дистрибуция, референт, таксономия и т. п.). Это обстоятельство свидетельствует об актуальности данного явления и о необходимости его глубокого изучения.

Проведенный нами анализ русской и немецкой лингвистической терминологии позволяет сделать вывод о возможности выделения двух этапов освоения заимствованных терминов языком-реципиентом: появление в нем ассимилированных вариантов терминов относительно своих иноязычных оригиналов (предлагаем его называть «вариабиллизацией терминов») и создание синонимов иноязычных терминов в виде понятных по своей внутренней форме

для носителей того или иного национального языка лексико-семантических и семантических калек (назовем его «синонимизацией терминов») [3].

Так, латинский термин „*nomen agentis*“ проник в оба языка сначала в виде вариантов, а затем оброс многочисленными синонимами на национальной основе, причем некоторые синонимы соотносятся друг с другом как варианты: *в русском языке*: агенс — агент — имя деятеля — имя действующего лица — действующего лица — деятель — действитель — действующее лицо — носитель действия — смысловое подлежащее; *в немецком языке*: *Nomen agentis* — *Agens* — *die handelnde Person* — *Bezeichnung des Täters* — *Täter*.

Рассмотрим лишь первый этап вхождения иноязычных обозначений лингвистических понятий в русский и немецкий языки. Изучение заимствованных терминов показывает, что они обычно недолго остаются в языке-реципиенте в своем иноязычном облике и с течением времени в заимствующем языке неизбежно возникают свои ассимилированные разновидности заимствованных терминов, т. е. варианты. Ассимиляция носит всесторонний характер: иноязычные слова меняют свою графику, приспосабливаясь к орфографии принимающего языка, изменяют нехарактерное для языка-реципиента ударение и, наконец, сменяют чужие аффиксы (чаще суффиксы) на национальные с тем же значением, а то и вовсе опускают их за ненадобностью, поскольку носители соответствующего национального языка не ощущают их. В результате какое-то время параллельно функционируют терминологические пары: иноязычные слова или словосочетания в исходной форме и их ассимилированные варианты. При этом вариантность яснее проявляется в языках с одинаковым алфавитом (например, в западно-европейских языках): *adiectivum* — *Adjektiv*, *cliché* — *Klischee*, *coniunctivus* — *Konjunktiv*, *pluralis* — *Plural*, *synonymon* — *Synonym*, *verbum infinitum* — *eine infinites Verb*.

Ассимиляция, или «адаптация» (по И. А. Субботиной), осуществляется нередко исключительно медленно и приводит лишь к частичным изменениям в графическом, фонетическом и грамматическом облике исходных слов: *adiectivum* — *Adjektivum* — *Adjektiv* — *Adjektiv*, *pluralis* — *Pluralis* — *Plural* — *Plural* и т. п.

В русском языке процесс ассимиляции из-за различия алфавитов протекает значительно быстрее и глубже затрагивает форму исходных слов: иноязычные заимствования иногда даже меняют свой род, например: арабеск — арабеска, антитезис — антитеза, базис — база, глайд — глайда, идиом — идиома, парафраз — парафраза; по-разному передаются чужие исходные звуки [h], [l], [th], [w], [y] и даже [s], например: апахс — гапахс, гендиадис — эндиадийон, гиатус — хиат, коррелят — коррелат, суперлатив — суперлатив, аподосис — аподозис, санде — занде, фита — тета, валлийский — уэльский, оксиморон — оксюморон и т. д. Звуковой состав меняется подчас значительно за счет вариантности целых морфем: апофегма — апофегма, афезия — афеза, безаффиксальный — безаффиксный, вокабулярный — вокабуляр, имперфективизация — имперфективизация, хиатус — хиат и т. п. Вариантностью создается также благодаря разному написанию одних и тех же слов или порядку следования их элементов: их-лаут — ихлаут — ихь-лаут — ихьлаут — их-ляут — ихляут, лабио-дентальный — лабиодентальный — денто-лабиальный — дентолабиальный, «вульгарная латынь» — «вульгарная» латынь — вульгарная латынь, болгарско-македонский — македонско-болгарский и т. д. [4].

Необходимо отметить и тот факт, что в русском языке вариантами являлись на определенной стадии его развития первоначальные калки иноязычных заимствований и их усовершенствованные впоследствии модификации, например: имя прилагательное — имя прилагательное, место имени — местоимение, родной падеж — родительный падеж, виновный падеж — винительный падеж, мимолетное время — прошедшее время, супружество — спржение, разляющий союз — разделительный союз и др. [2]. Подобное же различие между калками иноязычных терминов наблюдается и в настоящее время.

Само собой разумеется, что при определении вариантности и синонимии терминов сравнивать следует лишь синхронные формы [1]. Дело заключается в том, что вариантные и синонимические формы не только обязательно должны

относиться к одному и тому же периоду, но и быть тождественными по своему содержанию, поскольку содержание некоторых лингвистических терминов при одинаковом обозначении со временем может меняться, в результате чего нарушаются их первоначальные эквивалентные связи: в русском языке: речь — глагол, части слова — части речи [2]; термин «метафора» обозначал в античный период любой троп, тогда как сейчас он обозначает только перенос значения [6]; в немецком языке: Artikel — Vorwort; Präposition — Vorwörteilein; Verbum — Hauptwort — Wort; Substantiv — Hauptwort [9]; термин „Syntax“ в античный период означал Fügung, Gliederung, Bau, а в современном языкознании означает только Satzlehre [8].

Такие и подобные им слова не могут служить в качестве вариантов и синонимов.

Примечательно, что некоторые заимствованные термины сохраняют в обоих языках свою исконную форму, лишь частично вариabilизируясь в заимствующих языках и, что особенно важно, совершенно не получая синонимических эквивалентов на материале языка-реципиента. Это явление объясняется, по нашему мнению, следующими причинами. Во-первых, калькированный дублет был бы не в состоянии полноценно заменить оригинал вследствие своей формы, особенно если последняя представляет собой субстантивированное прилагательное, словосочетание или сложное слово, от которых невозможно образовать производные слова. Во-вторых, живая семантическая связь между новым термином-калькой и однокоренными словами в заимствующем языке может явиться серьезной помехой при его функционировании, тогда как заимствованный иноязычный оригинал воспринимается только как номинация какого-либо понятия. В-третьих, заимствуемые термины иногда обозначают чуждые языку-реципиенту или очень редкие для него понятия, вследствие чего не испытывается крайняя нужда заменять их дублетами, построенными на национальной основе: носители национального языка чувствуют, что было бы нецелесообразно синонимизировать данные термины, так как при этом они только потеряли бы в точности и лапидарности номинации. В-четвертых, иноязычные термины обладают важным стилистическим оттенком: они более точно обозначают то или иное понятие, т. е. являются «более терминологичными» единицами.

В качестве иллюстрации вышеизложенных положений приводим следующие иноязычные термины-монимы, не имеющие синонимов на базе национального языка [3]: аграфия — Agraphie, баттология — Battologie, герундий — Gerundium, дубитатив — Dubitativ, мезозевгма — Mezozeugma, релевантный — relevant, солецизм — Solözismus, функтив — Funktiv, юссив — Jussiv.

Тот факт, что ассимиляция иноязычной лингвистической терминологии, когда бы она ни происходила, протекает в русском языке несколько иначе, чем в немецком, ясно виден из таблицы.

Из таблицы следует, что наиболее редкие и малоупотребительные заимствования из классических языков, а также из английского и французского, пользующихся латинским алфавитом, часто остаются в исконной форме и не переводятся или же отличаются от оригиналов передачей отдельных звуков другими буквами (согласно требованиям национальной орфографии), а также национальными аффиксами (особенно суффиксами и окончаниями) и ударением и, таким образом, создают вместе с оригиналами вариантные пары. Некоторые заимствованные из тех же языков полилексемные термины воспринимаются носителями немецкого языка как монолексемные единицы с главным ударением на первом компоненте и пишутся поэтому, как и исконные существительные, с заглавной буквы и нередко даже слитно, напр.: греч. hápax legómenon — нем. Hápaxlegomenon, п; фр. vers libre — нем. Vers libre, m. Подобное неразличение отдельных иноязычных элементов терминологического словосочетания можно встретить и в русском языке в том же примере: фр. vers libre — рус. верлибр.

Полилексемные немецкие заимствования из русского языка из-за различия алфавитов исключительно редко вариabilизируются, а, как правило, калькируются, образуя вместе с оригиналами или их кальками синонимиче-

Форма слова		
в исходном яз.	в рус. яз.	в нем. яз.
фр. accent grave лат. accusativus cum infinitivo санскр. bahuvrīhi фр. boutade искусств. слово construct англ. cluster	тупое ударение винительный (падеж) с инфинитивом бахуврихи бутада конструкт скопление	Gravis, m Akkusativ mit Infinitiv; Akkusativ + Infinitiv Bahuvrīhi, n Boutade, f Konstrukt, n Cluster, m; Akkumulati- on, f; Suffikkonglome- rat, n; Häufung, f Common case, m Couleur locale, f Enchaînement, n
англ. common case фр. couleur locale фр. enchaînement фр. feuilleton англ. Future in the Past лат. genus verbi греч. hápax legómenon англ. immediate consti- tuent analysis	общий падеж местный колорит сцепление звуков (во франц. речевом потоке) фельетон будущее в прошедшем залог гапакс легоменон анализ по непосред- ственно составляющим	Feuilleton, n Future in the Past Genus verbi, n Hapaxlegomenon, n Immediate Constituent Analysis, f; die unmittel- bare Konstituentenana- lyse Koine, f; Gemeinsprache, f signifié; Bezeichnete, n Vers libre, m; freie Rhythmen, pl Tabú, n; Tábu, n
греч. koinê фр. signifié фр. vers libre полинез. taboo	койнê обозначаемое верлибр табú	

ские пары и ряды, напр.: рус. языковая политика — нем. jasykowaja politika — die sprachliche Politik (Th. Lewandowski) — Sprachpolitik, f — Sprachlenkung, f (R. Conrad); рус. языковая практика — нем. jasykowaja praktika — sprachliches Handeln — Sprachhandlung, f — Sprachverhalten, n — Sprachgebrauch, m — Sprachwirklichkeit, f — Sprachusus, m — Usus, m (Th. Lewandowski).

Наше исследование показало, что большинство монолексемных заимствований из русского языка, характеризующих его специфические особенности, остается на первом этапе ассимиляции, т. е. транслитерируется, нередко создавая при этом орфографические варианты, но не синонимизируется, напр.: рус. оканье — нем. Okanje, n — Okavismus, m — Okawismus, m.

Помимо описанных нами способов вариаблизации иноязычных лингвистических терминов имеется еще немало других способов вариаблизации как заимствованных, так и, особенно, исконных русских и немецких лингвистических терминов, подробно проанализированных нами ранее [4, 5] при классификации вариантов. В этих работах изложены результаты изучения процесса вариаблизации лингвистических терминов на современной стадии развития языкознания.

Итак, исследование процесса вариаблизации в русской и немецкой лингвистической терминосистеме позволило сделать следующие выводы.

Возникновение ассимилированных вариантов иноязычных терминов представляет собой не только закономерный, но и неизбежный процесс, поскольку является первичным этапом вхождения заимствованных терминов в систему национального языка. По этой же причине терминологические ва-

рианты нельзя считать избыточным или лишним звеном в терминологии того и другого языка. Изъятие вариантов из лингвистической терминологии означало бы ликвидацию естественной базы ее развития. В современной избыточной вариантами русской и немецкой лингвистической терминологии можно считать ненужными лишь явно устаревшие и абсолютно идентичные по своей стилистической окраске и своему употреблению варианты, отдавая предпочтение лаконичным формам, которые более приспособлены к словопроизводству.

В первичный акт освоения терминов входит изменение написания слов, вызванное требованиями национальной орфографии, передвижение ударения, замена иноязычных аффиксов, в первую очередь суффиксов, национальными с тем же значением или их опущение и связанное с этим изменение рода имен существительных, т. е. приобщение иноязычных слов к орфографической, фонетической и морфологической системам соответствующего языка.

Вариаблизация терминов на базе национального языка также представляет собой закономерное явление, отражающее поиски лучшей формы выражения того или иного понятия или разные этапы развития термина, сосуществующие в языке вплоть до настоящего времени [4, 5]. Как и во всех других лексических пластах развивающегося языка смена одних форм другими не происходит мгновенно и не является всеобъемлющим актом, а протекает постепенно и не обязательно затрагивает одновременно акцентологический, орфографический и морфологический аспекты того или иного термина. Иногда варианты приобретают со временем разные стилистические оттенки и разную употребительность, предохраняющие их от исчезновения.

Малоупотребительные иноязычные заимствования остаются, как правило, на первом этапе освоения, поскольку не имеется настоящей необходимости в их органическом влечении в ткань языка-реципиента — в калькировании. Вследствие этого данные термины воспринимаются как чужие, инородные тела. В итоге они остаются за пределами активного словаря рассматриваемых языков и входят в периферийный слой пассивного словаря, из-за чего от них совершенно нет производных слов [7].

Освоенные заимствованные слова, относящиеся к самым различным отраслям знания, образовали со временем особый лексический пласт, единый для обширной группы взаимодействующих друг с другом языков (например, индоевропейских) и привели к возникновению так называемых интернационализмов. Иноязычные термины, обозначающие общие для ряда языков лингвистические понятия, в большинстве своем также относятся к интернациональному лексическому фонду. Поскольку же интернационализмы ассимилировались в национальных языках, они одновременно входят и в словарный состав этих языков. Таким образом, интернационализмы являются связующим звеном внутри целой семьи языков; их появление и развитие представляет собой положительный фактор в лингвистике, обогащающий отдельные национальные языки и сближающий их.

В специальный словарь лингвистических терминов следует включать не только общеупотребительные, но и малоупотребительные варианты, поскольку он призван объективно отражать все богатство форм метаязыка лингвистики на данной исторической стадии его развития.

Список литературы: 1. *Гречко В. А.* Однокоренные синонимы в современном русском литературном языке (имена прилагательные): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1964. — 18 с. 2. *Зубкова И. Р.* Истоки русской грамматической терминологии. — В кн.: Материалы VI науч. конф. аспирантов. Сер. гуманитарные науки. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1965, с. 96 — 99. 3. *Молодец В. Н.* Синонимия в современной немецкой лингвистической терминологии (в сопоставлении с синонимией в современной русской лингвистической терминологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1979. — 22 с. 4. *Молодец В. М.* Класифікація варіантів російських лінгвістичних термінів. — Мовознавство, 1977, № 4, с. 38—45. 5. *Молодец В. Н.* Классификация вариантов немецких лингвистических терминов. — Вестн. Харьк. ун-та, 1977, № 159. Иностр. языки, вып. 10, с. 60—66. 6. *Полторацкий А. И.*

Основные понятия лингвостилистики. — В кн.: О принципах и методах лингвостилистического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 131—143. 7. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. — М.: Учпедгиз, 1955. — 400 с. 8. *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. — М.: Высш. школа, 1962. — 310 с. 9. *Субботина И. А.* Становление и развитие немецкой грамматической терминологии (на материале морфологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1967. — 20 с. 10. *Schmidt W.* Deutsche Sprachkunde. — Berlin: VEV Volk und Wissen, 1964. — 356 S.

Поступила в редколлегию 05.10.81.

Е. И. МОРОЗОВА

К ВОПРОСУ О СИНТАГМАТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Современная синтаксическая теория стремится к наиболее полному изучению общих и частных свойств языка в пределах его грамматической системы. Научный поиск на этом уровне ориентирует на углубленное изучение семантики единиц структуры языка с учетом особенностей их коммуникативного назначения. Необходимость оценки семантического компонента при выявлении соотносительности единиц отдельных полей определяется свойствами языка как системы и диалектикой отношения формы и содержания в языке. «В семантике, с одной стороны, в синтаксисе, с другой, и в общих чертах их соединения, т. е. соединения между наиболее глубинным содержанием и наиболее поверхностным выражением; в-третьих, приоткрываются теперь наиболее общие универсальные закономерности языка вообще» [2]. При рассмотрении языка как коммуникативной системы центральными оказываются такие проблемы, как природа знака, знака и модели, возможность соотносительных трансформаций синтаксических структур и семантическая их корреляция.

Категория относительности не только не исключает категорию абсолютности, но непременно предполагает ее и взаимодействует с ней. На уровне синтаксиса принцип относительности прослеживается, например, в активных процессах номинализации: субстантивной, адъективной и глагольно-предикатной [3]. При адъективной номинации глагольное содержание транспонируется в качество или свойство. Структура предложения, в котором получает свою реализацию номинализационный принцип организации высказывания, претерпевает существенные модификации.

В английском языке функционально-семантическая соотносительность глагола и прилагательного как отдельных частей речи характеризуется своими специфическими признаками, обуславливающими их широкое сближение как в семантическом, так и в функциональном плане. Сближение глагола и имени прилагательного оказывает значительное влияние на характер грамматической организации высказывания, создавая широкие возможности варьирования средств выражения пропозиции в различных сферах языковой передачи деятельности человека, начиная от ее конкретных форм до области эмоциональных переживаний и рациональных логических оценок. Существенные линии сближения глагола и прилагательного прослеживаются в плане реализации категориального содержания лексико-грамматических полей.

Рассмотрим функционально-семантические связи имени прилагательного и глагола в различных семантических типах предикатов. Имя прилагательное *lame* в предложении *The man is lame* выражает признак, приписываемый субъекту на основе характерного для него действия; прилагательное *green* в *The grass is green* может в зависимости от контекста ассоциироваться с признаками, различными по своей природе — «травя зеленая» и «травя зелена»: *The grass is green, the snow is white. In spring the grass is green.* В русском языке такое различие выражается варьированием краткой и полной формы прилагательного. Полные формы представляют собой качества, являющиеся не-

подвижными, вневременными свойствами предметов или служащие терминологическими обозначениями родов и видов предметов [1]. Ю. С. Степанов отмечает, что «различие между краткой и полной формами прилагательного можно характеризовать и иначе — не по отношению к постоянству или временности признака, т. е. не семантически, а синтаксически, по функции в предложении, сказав, что только качества, могущие быть предикатами, имеют в русском языке краткую форму...» [2]. «Краткие формы в русском языке присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету» [1].

Рассмотрим в этой связи прилагательные, выражающие постоянный признак, приписываемый субъекту на основе типичных для него действий, или признак, существующий во временных рамках. Связь с соответствующим глаголом deverбативных прилагательных, образованных при помощи суффиксов: -ive, -ful, -ous, -ing, -able (-ible), очевидна уже на уровне словаря: to destroy — destructive, to amuse/amusing, to forget — forgetful, to desire — desirous, to see — visible.

Выявление функционально-семантических связей глагола и предикативного прилагательного определяет необходимость дифференциации предикатов с прилагательным путем выделения структурно-семантических групп. Попытаемся заметить основные точки соприкосновения этих двух признаков имен в различных семантических типах предикатов.

Передаваемый прилагательным признак может приписываться субъекту на основе характерного для него действия. Например, когда речь идет о физическом недостатке, проявляющемся в нарушении какой-либо функции живого организма, другими словами, о постоянном признаке, прилагательное соотносимо с соответствующим глаголом: "... most of them are either practically stone deaf or half blind..." (A. Christie), (they are deaf = they don't (can't) hear; they are blind = they can't see). Аналогично: He is mute = He can't speak; He is lame = He limps. Трансформационная соотносительность с глаголом характерна и для метафорического использования прилагательного: I told myself that if I had not suffered such unendurable loneliness in the past I shouldn't have been so blind» (J. Fowles), (to be blind = to lack discernment, to be unable to understand something, to judge). Некоторые физические недостатки, проявляющиеся в нарушении функции, невозможно описать при помощи прилагательного: to stammer, to stutter, to lisp, to squint, to stoop. Эти глаголы обладают способностью имплицировать качественный признак в соответствующих контекстуальных условиях. Прилагательные, включающие сему повторяющегося действия, которое характеризует субъект в течение значительного промежутка времени, также трансформационно соотносимы с глаголом: Kitty was lively: she was willing to chatter.... and laughed easily (W. S. Maugham).

Глагольные предикаты по видовременной соотносительности могут быть выражены формами Indefinite и Continuous. В частности, предикировать признак могут глагольные формы группы Indefinite в так называемом неограничительном употреблении: He looks down upon us country people... (W. M. Thackeray), (he looks down upon us = he is arrogant, haughty, supercilious). Miss Brodie never discussed her affairs with other members of the staff... (M. Spark), (never discussed her affairs = was discreet, prudent).

Качественная характеристика субъекта может передаваться глагольными прогрессивными формами, представляющими действие как повторное, нередко связанное с отрицательной эмотивной оценкой качественного признака: She was constantly complaining of being lonely (G. B. Shaw) — she was plaintive. Women kill me. They really do. They're always leaving their goddam bags in the middle of the aisle (J. B. Salinger) — they are absent-minded. Функционально-семантические связи прилагательного и глагола расширяют возможности выражения категориальных залоговых значений некатегориальными средствами языковой номинации: Toby got the V. C. in the Dardanelles and turned respectable (E. Waugh). The atmosphere was almost unbearable (A. Christie).

В зависимости от контекстной семантики структуры с предикативным прилагательным могут выражать и разовое действие: *It (the smile) showed that he had not meant to be offensive (W. S. Maugham), to be offensive = to offend somebody, to behave offensively*. Повторяемость действия может быть ограничена временными рамками: *Of course everyone had been very kind and for two or three months they had gone out to parties almost every night (W. S. Maugham)*. Значение ограниченности приписываемого субъекту признака во времени обычно раскрывается контекстной семантикой, но в английском языке имеется также и формально-грамматическое средство, позволяющее эксплицировать данное значение — употребление глагола-связки в нетипичной для него прогрессивной форме: *Don't you think that you are being rather absurd? (A. Christie), (to be absurd = to talk absurdly)*.

Функционально и семантически соотносимы с глаголом прилагательные, выражающие состояние: *They were fast asleep (W. S. Maugham), (to be asleep = to be sleeping); We're all anxious about the future (A. Christie), (to be anxious = to worry)*. Обращают на себя внимание предикаты, выражающие переход в данное состояние, т. е. состояние — процесс: *«Please, sir», said Beste—Chetwynde, «we're getting rather cold. Can we start?» (E. Waugh)*. Предикаты такого рода, несмотря на их ошутимую процессность, не имеют глагольных коррелятов в английском языке.

Таким образом, целесообразно выделить следующие семантические группы предикатов с прилагательным, которые соотносятся с глагольными предикатами: акциональные предикаты (*to be nice, to be offensive*), процессные предикаты (*to be lively*), предикаты, обозначающие состояние—процесс (*to grow old, to turn red*), предикаты состояния (*to be anxious about, to be afraid of*). Функционально-семантические связи имени прилагательного и глагола наиболее ошутимы в подгруппах процессных предикатов и в предикатах состояния.

Филологические наблюдения на этом уровне ориентируют на углубленное изучение исследуемых предикатов с учетом стилистических функций имени прилагательного и того значения, которое имеют его семантические связи с глаголом для расширения возможностей варьирования форм высказывания.

Список литературы: 1. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.: Высш. школа, 1972. — 614 с. 2. *Глушак Т. С., Паремская Е. И.* Номинализация и понятие «именного стиля» в немецком языке. — Филол. науки, 1981, № 2, с. 65—75. 3. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). — М.: Наука, 1981. — 360 с.

Поступила в редколлегию 27.11.81.

В. И. ОДИНОКОВА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СТРУКТУРНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Общепризнано, что семантика лексической единицы теснейшим образом переплетается с ее синтаксическими характеристиками. В данном случае речь пойдет о соотношении синтаксической структуры — бинарной генетивной конструкции N_1 -de- N_2 и семантики составляющих ее элементов. Содержание синтаксических отношений рассматривается не как простое наполнение модели, а как сложный противоречивый диалектический процесс взаимодействия формы и содержания. В анализируемых словосочетаниях выделение ведущего и зависимого элементов представляет собой проблему, которая может быть решена путем анализа конкретных словосочетаний, где это разграничение проводится раздельно в семантическом и грамматическом планах. В грамматическом плане ведущий компонент определяется позицией в словосочета-

нии и средствами связи. В семантическом плане ведущий компонент определяется семантической характеристикой слова, смысловыми отношениями между ними. При этом направление семантической зависимости не всегда совпадает со структурной, грамматической.

В связи с особенностями семантики каждого значащего элемента бинармы, а также направленности их семантического и грамматического взаимодействия бинарные конструкции N_1 -de- N_2 разделим на три основные группы.

В качестве примера первой группы рассмотрим фразы, где актуализируются различные ЛСВ полисемантического существительного *bouton*: *Mon père n'a rien fait de mal, dit Wilfred, la main sur le bouton de la porte* [13]. *Henri appuya sur le bouton de la sonnette. — Je ne veux pas boire*, dit Josette; *sa voix se brisa: "J'ai un bouton au coin de la lèvre." C'est sûrement le foie...* [6]. *C'était mon père qui s'était lavé et était allé tourner le bouton dans la salle de la mairie* [17]. *Il appuya sur un bouton, prit le téléphone et dit à sa secrétaire: "Prenez..."* [16].

В данных фразах легко выделяются генетивные конструкции: *bouton de la porte*, *bouton de la sonnette*, *bouton de la lèvre*, *bouton (d'interrupteur)*, *bouton (de commutateur)*. Актуализирующиеся ЛСВ полисемантического слова *bouton* являются первым элементом N_1 генетивной конструкции. В примерах для актуализации и идентификации значений ЛСВ полисемантического слова *bouton* оказываются достаточными минимальные двучленные словосочетания, выполняющие функцию микроконтекста, в которых наиболее четко проявляются тесные семантические связи составных элементов. Причем по интенсивности и направленности характер этих связей можно представить как преимущественно односторонний за счет более сильного семантического воздействия второго элемента N_2 , выполняющего роль ключевого слова по отношению к первому элементу N_1 . З. И. Хованская отмечает: «В пределах двучленного атрибутивного словосочетания существует лишь один тип семантической связи с точки зрения ее направленности — это двусторонняя связь или взаимодействие. Но компоненты словосочетания по-разному по интенсивности воздействуют друг на друга, что позволяет говорить о преимущественной направленности семантической связи в ту или другую сторону и создает иллюзию односторонней связи» [3]. В приведенных примерах наблюдается именно преимущественное одностороннее семантическое влияние, что обусловлено, во-первых, характером синтаксической расположенности элементов N_1 , N_2 , где семантическое влияние оказывает элемент N_2 , конкретизирующий семантику первого элемента N_1 . Таким образом, он является актуализатором ЛСВ полисемантического элемента N_1 ; во-вторых, характер преимущественно односторонней связи обусловлен также отнесенностью элементов N_1 , N_2 к категории конкретных имен существительных. Здесь второй элемент, выступая актуализатором значения первого, выполняет по отношению к нему определяющую функцию, т. е. синтаксически и семантически как бы активизируется. Если в плане семантического воздействия активную роль играет элемент N_2 , то в плане синтаксических связей главенствующую роль выполняет элемент N_1 , так как продолжает оставаться именем существительным, выполняя субстантивную функцию, в то время как элемент N_2 адъективируется. Однако в данной группе бинарм препозитивный элемент N_2 является не прилагательным, но специфическим семантико-синтаксическим функциональным образованием, возникшим в акте коммуникации на основе семантико-функциональной транспозиции.

Иная картина в бинармах, где наблюдаются ярко выраженные метафорические сдвиги в семантической структуре слов. В пределах анализируемых бинарм сближаются два слова, имеющие свою автономную семантику, которая по словам В. В. Виноградова «не исчерпывается свойственными ему значениями» и кроме своего прямого значения, слово «по большей части заключает указания на смежные ряды слов и значений» [1]. Каждое слово предполагает определенное семантическое окружение — сочетающиеся, вступающие с ним в валентные отношения слова. В пределах же бинарной модели рассматриваемого типа происходит столкновение слов, имеющих разное

семантическое окружение и семантически исключающих друг друга. Эта обычная дистрибуция и создает яркую метафору. В пределах бинармы второй группы один из членов непременно варьирует свое значение от прямого номинативного в сторону переносного. Например, в словосочетании *fantômes d'arbres* варьирует свое значение слово *fantômes*. Переносное значение проявляется на основании установления сходства между классом денотации слова *fantômes*, взятого в прямом значении, и некоторым другим предметом или явлением, которому он уподобляется. Выражение *fantômes d'arbres* следует понимать как *arbres effrayants, hideux, horribles*. При этом, как показал способ синонимической подстановки, слово *fantômes* в метафорической бинарме выполняет, уподобляясь прилагательным, квалифицирующую функцию, т. е. у него в пределах бинармы вычленяется какая-то наиболее характерная особенность его семантики, которая может быть представлена в виде качественных характеристик. В результате чего в сознании говорящего и воспринимающего речь слово *fantômes* функционально адекватизируется (аналогично выражение *mer de visages = d'innombrables visages*).

Эффект эмоциональной экспрессивности рассматриваемых бинарм достигается путем нарушения категории вероятности появления следующего лексического элемента и которая проявляется «в возможности по предшествующему слову предсказать следующее слово» [2]. В бинарных генетивных конструкциях в сочетании со словами *champ, manteau, collier, avalanche* наиболее вероятностным было бы появление следующих лексических единиц: *chap de blé, manteau de fourrure, collier de diamants (de perles), avalanche de neige (de pierres)*.

В наших же примерах нарушилась эта вероятность появления следующего элемента, в результате чего высказывания получили особую экспрессивность: *L'omnibus roulait doucement, et sur les fenêtres ruisselants. de pluie défilaient des fantômes d'arbres écartelés, des champs de fumée* [21]. *Secoués par le vent, les arbres se sont débarrassés de leur manteau de neige et, grâce à cela, on les distingue bien* [9]: *Une clarté assez vive s'attardait sur le ressaut de colline qui crevait le manteau de brumes* [52]. *Quand j'ai vu dans l'encadrement de la porte son grand corps, droit, maigre, le long visage impassible, avec son collier de barbe noire* 10. *Il comprit la torture du prêtre, ses angisses, son regard de martyr sous l'avalanche de phrases de Saint—Fiacre* [19].

В пределах рассматриваемых бинарм предметы или понятия, выражаемые элементом N_2 , не просто называются или описываются, а при помощи элемента N_1 подчеркиваются, выпячиваются характерные стороны их семантической значимости, т. е. в семантической структуре элемента N_1 один или несколько доминирующих компонентов значения выступают на передний план и затмевают, заглушают другие компоненты значения того же элемента.

Актуализация одного или двух компонентов значения в комплексе значений полисемантического слова сопровождается одновременным исключением всех остальных компонентов значения. Последние являются точками соприкосновения слов с разным семантическим окружением, с разной валентностью, так как они выражают тот общий признак, посредством которого в сознании говорящего сближаются два, казалось бы, разных предмета или явления *grève* и *papier*, *haillons* и *ciel*, *armée* и *poussière* и т. д.: *Ce sont les quelques épreuves du premier week-end de janvier que je puis ramener sur cette grève de papier sans faire de longues fouilles ...* [8]. *Je suis resté dans mon lit très tard, en contemplant les haillons du ciel qui s'effiloçaient comme de vieilles Wassingues* [8]. *Le vent qui levait des armées complices de poussière* [8]. *Un tonnerre d'applaudissements accueillit cette dernière phrase* [14]. *...Une parole qui trancha cette âpre, âcre voile de brume* ... [8]. *Il ne pouvait la voir à travers le miroir des carreaux perlés de pluie ... Dans cette étang du ciel ...* [8]. *Devant elle, ce déluge des paroles ...* [4].

В этих примерах прослеживаются семантические изменения, совершаемые элементом N_1 бинармы, в то время как элемент N_2 в семантическом плане остается неизменным. Элемент N_1 , сохраняя свою категориальную отношение к классу имен существительных, выполняет в пределах бинармы характеризующую функцию, соотнося элемент N_2 на основании внутреннего

ассоциативного сравнения с предметами и явлениями, заключенными в его денотации.

Для подтверждения правильности наших рассуждений применим метод лексико-семантических трансформаций, раскрывающий не только имплицитные синтаксические связи слов, но и их семантическую сущность, т. е. попытаемся «перевести» метафору с помощью других слов:

collier de barbe	= une barbe qui, a une forme du collier
tonnerre d'applaudissements	= applaudissements qui éclatent comme un tonnerre
avalanche de phrases	= phrases prononcées avec la rapidité et l'abondance d'une avalanche
voile de brumes	= brumes qui par leur densité sont pareilles au voile
miroir des carreaux	= carreaux qui étant propres reflètent les objets comme un miroir
haillons du ciel	= ciel couvert de nuages disparates comme des haillons

Здесь наблюдается особый случай соотношения компонентов по способу сравнения или уподобления. Семантически ведущим элементом (смысловым ядром) является грамматически зависимый элемент N_2 , структурно ведущий элемент N_1 выступает как своеобразное «предметное определение», соотношенное со структурно зависимым элементом N_2 на основе сравнения или уподобления.

Таким образом, в рассмотренных бинармах оба элемента являются конкретными именами существительными. В семантическом плане вариативным оказывается элемент N_1 , выполняющий в пределах бинармы определяющую функцию, в то время как элемент N_2 является определяемым. Соответственно, элемент N_1 является определяющим, оказывает семантическое воздействие на элемент N_2 , т. е. в подобных бинармах наблюдается и обратное семантическое движение: элемент N_2 уточняет, конкретизирует семантику элемента N_1 .

Нами выделен еще один вид бинарм, где N_1 — имя существительное конкретное и абстрактное, а N_2 — абстрактное имя существительное. Chaque jour il buvait un *calice d'amertume*, comme il disait, jusqu'à la lie [15]. 'ardès qu'il avait franchi le seuil de son minuscule appartement, cet *édifice de contradictions* tombait de lui-même, et il ne se souvenait même les causes toujours futiles qui avaient enflammé sa colère [7]. Cette soirée était imprévue et c'est pourquoi elle exhalait un antique *parfum de jeunesse* [5]. ...Et le vent d'envie, de *nostalgie* passa sur la table [18]. Une *étinelle de confiance* et d'optimisme atavique demeure toujours dans mon coeur ... [11]. Elle ne déversa sur moi le *flot de pitié* et d'affection que j'attendais [11].

В выделенных бинармах N_1 варьирует свою семантику, N_2 — семантически константен. Здесь наблюдается синтаксическое совмещение семантически несовместимых слов с конкретной и абстрактной значимостью, благодаря чему создаются неповторимые семантические обороты, придающие особую эмоциональность и экспрессивность высказываниям. В метафорической бинарме рассматриваемого типа происходит двустороннее семантическое влияние различной интенсивности. В семантическом плане вариативен полусемантический элемент N_1 , который под влиянием семантики второго элемента конкретизирует свою значимость и становится однозначным. Кроме того, элемент N_1 совершает движение от конкретного к абстрактному. Семантические сдвиги в системе значений компонентов метафорической бинармы характерны только для их синтаксических реализаций и представляют собой исключительно факт речи. Что же касается особенностей семантического взаимодействия элементов этой разновидности бинарм, то семантически активное, преимущественно одностороннее воздействие оказывает элемент N_2 , выполняющий квалифицирующую функцию по отношению к элементу N_1 , конкретизируя и ограничивая его семантически возможные варианты. Под воздействием абстрактной значимости элемента N_2 значение элемента N_1

также варьирует от конкретного к абстрактному, и в результате тесной семантической слитности обоих элементов создается метафорический образ с ярко выраженной эмоциональной экспрессивностью.

Список литературы: 1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений.— Вопр. языкознания, 1953, № 5, с. 3—11. 2. Медникова Э. М. Об основных абстрактных категориях лексикологии.— Пробл. современной лингвистики.— Изд-во МГУ, 1968, вып. 148, с. 152—161. 3. Хованская З. И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения.— Изд-во Саратов. ун-та, 1975.—429 с. 4. Aragon L. *Blanche ou l'oubli*.— P.: Gallimard, 1967.— 430 p. 5. *Beauvoir S. Les mandarins*.— P.: Gallimard, 1954. vol. 1.—327 p. 6. *Beauvoir S. Les mandarins*.— P.: Gallimard, vol. 2.— 416 p. 7. Bernanos G. *Un mauvais rêve*.— P.: Plon, 1954—238 p. 8. Butor M. *L'emploi du temps*.— P.: Les éditions de Minuit, 1957.—181 p. 9. Charrière H. Parillon.— P.: Robert Laffont, 1969.—631 p. 10. Debray R. *La frontière, suivi de Un jeune homme à la page*.— P.: Ed. du Seuil, 1967.—189 p. 11. Gary R. *La promesse de l'aube*.— P.: Gallimard, 1960.—286 p. 12. Graco G. *Le rivage des Syrtes*.— P.: Librairie José Corti, 1951.—214 p. 13. Green G. *Chaque homme dans sa nuit*.— P.: Librairie Plon, 1960.—354 p. 14. Leroux G. *Le mystère de la chambre jaune*.— P.: Gaston Leroux, 1960.—273 p. 15. Mac Orlan P. *Le quai des brumes*.— P.: Gallimard, 1927.—235 p. 16. Maurois A. *Une carrière et autres nouvelles*.— M.: Ed. du progrès, 1965.—141 p. 17. Parain B. *De fil en aiguille*.— P.: Gallimard, 1960.—186 p. 18. Sagan F. *La chamade*.— P.: Gallimard, 1965.—187 p. 19. Simenon G. *L'affaire Saint-Fiacre*.— P.: Librairie Arthème Fayard, 1959.—168 p. 20. Troyat H. *Le vivier*.— P.: Plon, 1935.—215 p.

Поступила в редколлегия 04.11.81.

Э. Г. ПАПОВЯНЦ

КОММУНИКАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Систематизация языковых единиц на основе общности их семантических функций наиболее характерна при исследовании взаимосвязи грамматических категорий морфологического плана со средствами других уровней языка, которые имеют с данными категориями целый ряд общих функционально-семантических признаков. Однако в последнее время наметилась тенденция изучения взаимосвязи языковых единиц в терминах синтаксических полей [3—6]. Использование понятия синтаксического поля в грамматике диктуется стремлением искусственно воссоздать те связи между синтаксическими структурами, которые реально существуют в мышлении носителей языка. «Под синтаксическим полем понимается группировка синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, которые представляют собой обобщенное отражение отношений объективной реальности» [5].

Целесообразней представить фрагмент языковой системы, связанный с выражением отношений качественной предикации, как синтаксическое поле. К ядерным конститuentам поля качественной предикации следует отнести предложения, реализующие адъективную модель. Они наиболее однозначно выражают отношения качественной предикации, более специализированы для выражения данного синтаксического значения и систематически используются в этой функции. К окооядерным конститuentам относятся предложения, построенные по субстантивной и глагольной моделям. И, наконец, периферийную зону синтаксического поля качественной предикации составляют разнообразные в структурном отношении коммуникативно-стилистические варианты предложений качественной характеристики, которые являются предметом данного исследования.

Коммуникативно-стилистические варианты предложений качественной характеристики представляют. 1. Односоставные эмоционально-оценочные предложения, трансформационно соотношенные с соответствующими полносоставными предложениями. Главным членом этих предложений является имя существительное, имеющее оценочное предикативно-характеризующее значение (прямое или переносное). Данный тип предложений выражает оценку чего-либо или кого-либо, обозначенного вне самого оценочного предложения. Направленность оценки здесь вытекает из самого характера лексического значения существительных: в самой природе таких существительных заложена «функция качественной характеристики» [1]: "Does he love her? Yes, the fool" (J. Steinbeck). "My poor Anne", he said... "it was silly to start running downhill in the dark". "Ass!" she retorted in a tone of tearful irritation: "of course it was" (A. Huxley). 2. Безглагольные предикаты аппелятивного характера, в которых субъект оценки выражен местоимением второго лица: "You angel! It's absolutely perfect" (J. Priestley). "You couldn't but laugh. You pig. You filthy pig" (S. Maugham). 3. Безглагольные эмоционально-оценочные предложения с типизирующими компонентами "what, that, such", среди которых можно выделить а) качественно-оценочные предложения, в которых субстанция и качественно-оценочный признак получают эксплицитное выражение; б) качественно-оценочные предложения, в которых эксплицитное выражение получает только качественно-оценочная характеристика; качественно-оценочные предложения, в которых качественная оценка представлена в имплицитной форме.

Рассмотрим предложения, относящиеся к первому типу: "What terrible and golden mystery!" (S. Fitzgerald). "Oh, those tragic errors and misconceptions" (S. Fitzgerald). "Such a lovely night!" (J. Galsworthy) "What a wretched life!" (A. Sillitoe). В этих оценочных предложениях субстанция и ее качественно-оценочный признак сосредоточены в рамках оценочного предложения. Носитель признака, получающий субъективную качественно-оценочную характеристику, находит свое выражение в главном члене, а сам признак выражен определением, являющимся обязательным второстепенным членом оценочного предложения. Даже в тех случаях, когда носитель признака обозначен в предыдущем контексте, он снова повторяется в главном члене оценочного предложения: "She inclined her cheek and Binny gave it a smacking kiss. "What a nice kiss!" (J. Galsworthy).

Иногда дублирование предмета оценки производится словами, имеющими общие семы: "...he...remained gazing at the leaping flames appreciatingly murmuring from time to time "A beautiful fire!" (S. Maugham).

Определение, выражающее качественный признак, может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к главному члену: "What a country of modest ... rivers! What a natural simple country ..." (A. Benett).

Кроме определения, главный член может быть усложнен дополнением: "What an inscrutable and odd expression for a girl of 20" (J. Hilton); обстоятельством: "Such tears in her eyes, and such great love in her face" (A. Cronin).

Ко второму типу относятся эмоционально-оценочные предложения, в которых позиция носителя признака остается незаполненной: "I'm abashed by that man", said Mr. Scogan... "What wisdom, what judgement, what a sense of values!" (A. Huxley). "Dear old Nick! Such a good fellow, but a rickety chap!" (J. Galsworthy).

Семантическая структура подобных предложений лишь имплицитно указывает на носителя признака, но не называет его и не представляют референта, а только его предполагает.

К третьему типу относятся эмоционально-оценочные предложения с незаполненной позицией качественно-оценочного признака, в которых характеристика субстанции находит имплицитное выражение, а главный член не является оценочным словом: "What a face for wrappers. Sort of Mona-Liza-ish!" (J. Galsworthy). "Christ, what rain!" (A. Sillitoe). Ah, what a prize! he thought" (Th. Dreiser). Инвариантом глубинно-семантической структуры предложений со скрытой номинацией признака является качественная предикативность, выражаемая оценочной пропозицией X is good (bad) 2.

Имплицитное выражение качественной предикации усиливает эмоционально-экспрессивный потенциал односоставных предложений с типизирующими компонентами "what, that, such". Предложения этого типа могут передавать различные оттенки субъективно-оценочной модальности: восхищение или восторг: "In his tales he was always luminous. Oh, those tales — those tales! How shall I describe them?" (A. Huxley). "My dear, it was grand, you were simply wonderful. Gosh, what a performance!" (S. Maugham); иронию: "These fathers! Everyone'd think they'd done all the work themselves" (M. Wood). "Oh, this British self — control! There he is delighted beyond measure and when you speak to him he becomes quite pale" (S. Maugham); страх: "This dark! He must be getting on and out of here!" (Dreiser).

Примечательно, что экспликация качественно-оценочной характеристики имени снижает эмоционально-экспрессивную тональность предложений такого рода и лишает их целого ряда коннотационных признаков, скрытых за имплицитной формой выражения качества.

Ср.: "He was only conscious of one emotion. What a wasted life!" (S. Maugham) — "What a life! What a dreamy out-of-the-way place!" (M. Belham-Edwards) — "What a place!" Положительная или отрицательная оценка субстанции, значение степени качества могут индизироваться в речи интонацией, что на письме передается при помощи восклицательного знака, контекстом или лексическим значением глагольного именного компонента. Одна и та же структура в зависимости от ситуации и контекста может имплицитно противоположную по своему значению качественную оценку субстанции.

Контекст эксплицирует, идет ли речь о положительной или отрицательной оценке, особенно тогда, когда главный член выражен существительным с нейтрально-лексическим значением: "I can see him so plainly... Such eyes as he had: big dark eyes. And such expression in them — an expression!" (J. Joyce). Роль контекста уменьшается, если главный член выражен существительным, в лексическом значении которого имплицитно содержится сема качества: "What a perfume!" (S. Heym). "What a blow!" (Th. Dreiser). "Such a sickness!" (A. Cronin). "What a merriment!" (J. Joyce).

Возможны случаи закрепления имплицитного коннотативного значения за некоторыми структурами. Например, структура "What an idea!" обычно имплицитно отрицательную оценку («Что за фантазия»). Соответствующая положительная оценка закреплена за структурой с финитным глаголом: "That's the idea!" («Вот это мысль!»).

4. Односоставные предложения, построенные по модели $N_1\text{-Prp}N_2$. Данная модель приобретает квалификативную окраску за счет лексической базы элемента N_1 , которую составляют абстрактные существительные, соотносимые с качественными прилагательными или субстантивизированные прилагательные, способные служить целям выражения качественной характеристики некоторой субстанции: "...Smillie wideeyed, gazed after him in awe. The power of him! The fairness of him in such a deadly crisis!" (Th. Dreiser). "The pureness of that love! The callousness of it" (Th. Dreiser).

5. Предложения с обособлениями, обладающими имплицитной предикативностью, легко эксплицируемой контекстом: "Although a lady of mature charms, Mrs Winterbourne loved to fancy herself as a delicious young thing of 17..." (R. Aldington). "Michael, always the perfect gentleman, slightly raised his eyebrows and compressed his thin lips" (S. Maugham).

6. Предложения с парцелированными компонентами и сегментацией: "Why did I weep? She was the light of my life, an affectionate daughter. A beautiful girl" (M. Puzo). "...She was insignificant. A modest unremarkably looking person" (M. Drabble). "She was a queer person, Winifred Everett" (A. Cronin).

7. Глагольные предложения с инвертированным порядком слов: "Cruel he might be, cold and morbid, but he was neither mean nor petty" (S. Maugham). "A mere strip of a lad, hardly more than a boy he was..." (J. O'Hara).

8. Безглагольные предложения с фиксированным обратным порядком слов: "Wonderful staying power — the British Empire!" (D. Lawrence). "Queer, the luxurious victories of anger!" (D. Lawrence). В данной структуре выявляется особенно активный характер приписывания качественной оценки субъекту.

Безглагольное связывание двух именных компонентов, находящихся в предикативном отношении, способствует выделению признака, активному утверждению его в момент речи. В безглагольных предикатах с инвертированным порядком слов качественная оценка может быть выражена одиночным прилагательным или прилагательным с усилительными наречиями: "Expensive, all this" (K. Amis). "Pretty plucky, these fellows" (R. Warren); существительным, с относящимся к нему определением: "A mysterious person, Mr. Quin" (A. Christie); существительным с предложным сочетанием в функции несогласованного определения: "Oh, nerves of iron, that man" (J. Fowles). "Very fine body of men, the gentlemen of the press" (E. Hemingway).

9. Эллиптические предложения (незаполненные позиции восстанавливаются из окружающего контекста): "You are a good linguist and a good guesser. A good observer" — "I'm a good observer".

10. Предложения с некусом отклонения имплицитное отрицание индицируется широким контекстом: "I, a goddess in the Mexican pantheon?" cried Kate with a burst of startled laughter" (D. Lawrence). "Michael not warm and cheerful in the house?" (J. Galsworthy).

Все варианты предложений качественной характеристики являются стилистически маркированными единицами с субъективно-оценочной модальностью, усиливающей эмотивный характер высказывания.

Список литературы: 1. *Виноградов В. В.* Современный русский язык. — М.: Учпедгиз, 1938. — 591 с. 2. *Найдов Б. П.* Односоставные имплицитно-оценочные конструкции в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1977. — 24 с. 3. *Раевская Н. Н.* Синтаксическое поле качественной предикации. — В кн.: Новые тенденции в изучении грамматики романских и германских языков. — Киев: Вища школа, 1981, с. 131—134. 4. *Старикова Е. Н.* Скрытое противопоставление в структурах гипотаксиса. — В кн.: Новые тенденции в изучении грамматики романских и германских языков. — Киев: Вища школа, 1981, с. 175—180. 5. *Филичева Н. И.* Синтаксис глагольных словосочетаний в немецком литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973. — 67 с. 6. *Филичева Н. И.* Синтаксические поля. — М.: Высш. школа, 1977. — 213 с.

Поступила в редколлегия 26.11.81.

И. С. ПЕРЕСАДА

«РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТАКТООУСТАНАВЛИВАЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РЕЧИ

В современном языкознании выделяется самостоятельная языковая функция установления контакта. Так, Р. Якобсон называет эту функцию фатичной (термин исходит из понятия «фатичное общение» [7]). Сущность данной функции заключается в привлечении и удержании внимания собеседника средствами языка. О. С. Ахманова предложила в качестве русского эквивалента термин «контактоустанавливающая функция» — это «одна из функций языка, в отличие от коммуникативной проявляющаяся в ситуациях, в которых говорящий не стремится сразу же передать слушающему определенную информацию, а хочет лишь ... подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя его внимание» [1].

М.-Л. Драздаускене устанавливает критерии исследования контактоустанавливающей функции [КУФ], определяет ситуации, где вероятнее всего употребление этой функции, подчеркивает отсутствие существенно важной информации [4]. Она приводит социолингвистические данные анализа КУФ и изучает различные способы ее реализации в целом. К особенностям КУФ автор относит эмоциональную окраску, наличие речевых наполнителей в предложениях "You know, You see, Oh, Well, Hm..." и постоянных лексических клише "How's life? I'm glad to see you".

Эмоциональная окраска вряд ли может рассматриваться как специфический признак КУФ, поскольку эмоционально-экспрессивные характеристики присущи и другим функциям языка. КУФ качественно отличается от информативной функции, хотя имплицитно любой акт речи содержит определенную информацию. Назначение КУФ языка состоит не в передаче информации, а предполагается, что собеседнику уже известно в определенной мере ее содержание и необходимо создание стимула, т. е. «неофициальной обстановки» для привлечения собеседника к речевому акту, чтобы получить его ответную реакцию: "You do think so, don't you?" (E. Waugh).

Способы реализации КУФ пока изучены недостаточно, поэтому в данной работе обратимся прежде всего к структурам, традиционно именуемым «разделительными вопросами» (для удобства изложения используем формулу SP, ps?) и впервые попытаемся проанализировать их как грамматико-лексический способ реализации КУФ, полагая, что в них наиболее специализированно проявляется основное значение КУФ.

Структуры SP, sp? являются типичными для английского языка синтаксическими структурами, однако единство мнений относительно их статуса еще не достигнуто. До сих пор структуры SP, sp? изучались в составе разных групп высказываний, выделенных по разным критериям, и не предпринималось отдельного углубленного изучения их синтагматических особенностей. Так, Л. Бердникова трактует их как «подтвердительные вопросы», не отделяя их от предложений типа "This is your dream? You are sure of me, eh?" [3], а Г. Кививяли — как предложения с присоединенной вопросительной частью, принципиально не отличающиеся от образований типа "He doesn't know. — Reall?" [5].

Вряд ли можно считать, что такие грамматически и лексически разные конструкции, как инвертированный общий вопрос эксплицитно-информативного характера или вопрос с интерпозитивным речевым наполнителем, следует рассматривать наравне со структурами SP, sp?, обладающими строго кодифицированной синтаксической структурой и строго определенными синтагматическими характеристиками, основанными на замещении компонентами ps? соответствующих компонентов SP. Поэтому из области данного исследования исключены конструкции типа "I hate feeble men, don't you?" (Priestley J.) "I quite forgot to tell you that I saw old Ada Lucas the other day in Knightsbridge." "Did you?" Priscilla answered absently... "(A. Wilson), где имеется краткий вопрос, а не соответственное замещение позиций (появляется другое местоимение)*, а также конструкции вежливой просьбы типа "You will do this to please me, won't you?"

Наши наблюдения и выводы получены методом структурно-семантического описания и количественного анализа текстов художественной прозы Великобритании, преимущественно XX в., и основаны на 2500 примерах. Интонационные особенности SP, ps? пока не изучались, так как рассматривались в основном письменные источники.

Анализ структур PS, ps? показывает, что они состоят из двух компонентов, соединенных синтагматическими связями. Компонент ps? имеет инвертированную предикационную природу и состоит из глагола — репрезентанта и личного местоимения или десемантизированного there, а иногда и частицы not (в зависимости от антецедента). В качестве глагола — репрезентанта выступают 22 из 24 глаголов, которые Пальмер и Хорнби называют "anomalous finites", а Ферс — "syntactic operators", кроме dare, used, которые не встречались в нашей выборке: в силу своей грамматической природы они имеют заместителя do. Поэтому можно говорить о строго ограниченном наборе лексем в компоненте ps?. Приводим результаты исследования удельного веса разных глаголов в составе компонента ps? данных структур: is, am, are, was, were — 54, 125 %; do, does, did — 18 %; have, has, had — 13 %; will, would — 8 %; can, could — 6 %; shall, should — 0,25 %; may, might — 0,25 %; must — 0,125 %; ought — 0,125 %; need — 0,125 %.

* Во втором случае это типичный разговорный способ поддержания контакта без передачи информации.

факультативную позицию занимает в *ps*? отрицательная частица *not*. Слияясь с глаголом — синтаксическим оператором, она участвует в образовании сокращенных форм *n't* синтаксических слов — отрицаний [6]. В XX в. наблюдается исчезновение из разговорной речи, к которой принадлежат данные структуры, несокращенных форм отрицания: в XIX в. они употреблялись в 10 % наших примеров, а в XX — только в 1,6 %.

В роли подлежащего *ps*? выступают личные местоимения и *there* либо повторяющие, либо адекватно замещающие соответствующие позиции антецедента. В последнем случае местоимения употребляются анафорически, т. е. выступают в качестве строевых слов [2] и занимают промежуточное положение между служебными и знаменательными словами. В нашей выборке местоименное замещение по сравнению с повторением подлежащего составило 16 %.

Таким образом, компоненты *Sp* и *ps*? представляют собой тесное грамматическое и лексическое единство: в позициях *ps*? прослеживается их прямая и однозначная зависимость от соответствующих позиций *SP*, структуры *SP*, *ps*? имеют свою специфическую организацию в плане синтаксиса и определенный конечный набор лексем в компоненте *ps*? (различные сочетания 22 глаголов, 8 местоимений и частицы *not*). Поэтому полагаем, что компонент *ps*? является специализированным признаком, грамматико-лексическим маркером данных структур.

Анализ компонента *SP* показал, что он имеет неинвертированный моноили полипредикативный характер (соответственно 81 и 19 %). Он бывает сложносочиненным и сложноподчиненным предложением (80 и 20 %), причем в первом случае *ps*? относится только к одному из сочиненных предложений и всегда стоит непосредственно рядом с ним: "After all, we are neighbours, aren't we, and that makes difference" (J. Priestley). "It isn't mistletoe, but it will do, will it not?" (J. Fowles), а во втором может относиться как к главному предложению (в 60 % случаев), так и к придаточному (40 %), что представляет особый интерес: "A lot of water has passed under the bridges since first we met, old boy, hasn't it?" (Maugham). "You realise, don't you, that Oliver Goldsmith taught in a school in Peckham?" (M. Spark). "I know we can't all choose exactly what we want, can we?" (P. Snow). Проведенный анализ позволяет выдвинуть гипотезу об относительной самостоятельности компонента *ps*? при сохранении прочных грамматико-лексических связей с его *SP* и внутренней зависимостью *ps*? от *SP*. Она основывается на полученных нами данных о возможности интерпозиции *ps*? внутри монопредиката *SP*, о выделении *ps*? в отдельное предложение в речи одного говорящего, о возможности парцелляции и появления авторского ввода между *SP* и его *ps*?, и на примерах принадлежности *SP* и *ps*? речи разных собеседников.

В нашей выборке разговорные структуры с интерпозицией *ps*? внутри монопредиката составили 2 %: "You like some fun in your life, don't you, and be photographed having fun?" (M. Spark). Из текстов и по свидетельству опрошенных нами информантов компонент *ps*? может стоять после большинства членов простого предложения внутри него в зависимости от желания говорящего привлечь внимание слушающего к определенным элементам высказывания. Попытаемся выделить возможные позиции *ps*? внутри монопредикативного предложения (на примерах текстов XX в.): перед союзом, соединяющим однородные члены предложения "We can disagree, can't we, and be friends"; между обстоятельством и остальными членами предложения "They eat chows, don't they, in their country"; между вводными элементами и остальными членами предложения "You don't think it is a big firm, do you, by any chance?"; между сказуемым и предложением дополнением "You believe, don't you, in the full expression of your personality?"; между прономинальным прямым дополнением и его постпозитивным определением "But you hate something, don't you, other than dust?"; между предикативным членом и атрибутивным оборотом с коннотацией результативности "You won't be such a fool, will you, as to drive now?"; между компонентами объектного предикативного комплекса "I've come prepared to listen to what you wished me, didn't you, to hear?"; между компонентами сказуемого "She doesn't, does she, demand the entire

formula"; между предикативным членом и его «расширением» [6] "Not very nice, is it — of a friend"; между предикативным членом и приложением со значением знаменательного подлежащего "It is rather vulgar, isn't it, getting married?" Наибольший интерес представляет местоположение *ps?* между компонентами сказуемого, компонентами вторичной предикации и ряд других позиций, в которых разрыв традиционно считается маловероятным. Хотя такие примеры единичны, они свидетельствуют о гибкости и высокой продуктивности структур *SP*, *ps?* подчеркивают их КУ-характер и возможность с их помощью стимулировать ответную реакцию собеседника на определенную часть высказывания.

Возможность положения *ps?* в сложноподчиненном *SP* как рядом, так и в отдалении от антецедента также подтверждает использование *SP*, *ps?* для избирательного привлечения внимания и относительную самостоятельность *ps?* Кроме того, здесь наблюдается интерпозиция придаточного предложения между *SP* и его *ps?*, что создает предпосылки для появления процесса парцелляции (6 % нашей выборки), когда *ps?*, зависимый от *SP*, образует отдельное предложение, между ними вклинивается а торский ввод (в речи одного говорящего) или *ps?* относится к ответной реплике собеседника: "I might be able to give you some advice. Mightn't I?" (K. Amis). "We are not open yet." She turned back and waved her comb at the cashere. "Are we, dear?" (K. Mansfield). "Jack is being particularly tiresome today," said she. "Yes, he is, isn't he?" (W. Lewis). Эти примеры свидетельствуют о разговорном характере данных структур и возможности их широкого использования в КУФ языка. Они подтверждают аналитическую природу английского языка и усиление его общей тенденции к обособлению и взаимозамене смысловых и структурных элементов высказывания.

Таким образом, структуры *SP*, *ps?* могут быть рассмотрены как грамматико-лексический способ реализации контактоустанавливающей функции языка. Компонент *ps?* является специализированным грамматико-лексическим маркером и обладает относительной самостоятельностью местоположения, сохраняя стабильную синтагматическую зависимость от компонента *SP*.

Список литературы: 1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 607 с. 2. Бархударов А. С. Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. школа, 1975. — 156 с. 3. Бердникова Л. П. Подтвердительно-вопросительные предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1972. — 33 с. 4. Драздаускене М. Л. Контактостанавливающая функция речи (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1970. — 32 с. 5. Кивияли Г. Б. Предложения с присоединенной вопросительной частью в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1969. — 18 с. 6. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высш. школа, 1967. — 289 с. 7. Malinovsky B. The problem of meaning in primitive languages. — In: Ogden C. K. and Richards I. A. The meaning of meaning. — L.: Oxford University Press, 1936, p. 297—332.

Поступила в редколлегию 01.10.81.

В. А. ПОДМИНОГИН

О ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМАХ В ПАРАДИГМЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Перфектные формы в парадигме модальных глаголов характеризуются особым, отличным от других типов глаголов, способом образования. Они вызывают подчас спорные трактования их структуры и семантики, поскольку еще не были предметом специального исследования. Только после выхода в свет работ Ж. Фурке, Х. Бринкмана и Ф. Рено в германистике утвердилось мнение о наличии в системе модальных глаголов двух подсистем. Х. Бринк-